

Discovery of the Gr
tive's Home in Lon

ONCE UPON A TIME—
group of French
to do with schol
of the sort, reached the
tour. Asked by the e
char-a-banc what the
they replied unanim
would like to see in
Baker Street. One
to the occasion.
A great many pe
of London—that
Roman Wall and
there are shrines
asked Sir Arthur
Baker Street.
"that is a point
decide."
Has he not
Like the
what name
women
bever
who

his fingers he adjust
back his shirtcuff
ated thoughtful
all dotted a
uiz-marks. Finally
home, gressed down
back into the vel
sigh of satisfacti
Three times
introduced the
concluded m
day to day
light, and m
r me al
go to pro
ured a vior that I should
the subject, but there wa
valant air of my compa
the last man with whom
anything approaching to
prowess, his masterly m

HOLME

covery of the Gr
re's Home in Lon

ONCE UPON A TIME—
group of French schoolboys, for
to do with scholarship or behavior
of the sort, reached the Baker

the night smile had they not proved
chance, while away the time with an
errand of so terrible
the curious pro
I am in fairly familiar with all forms of
trifling
now myself the author of a number
new to me. The
the system has recently been to
give the idea that
at the same time a message
the more and sketches of children
Having recognized the symbols
which guide
letters, and having a solution was easy
in all forms of
The first message submitted to me was so short that
was impossible for me to
confidence. The symbols
aware & so the most common letters of the highish alphabet
and it predominated to so marked an extent that
short sentence one would
Out of fifteen symbols in the first message four were
reasonable to set this down as e.

12

лучших

РАССКАЗОВ

ШЕРЛОКЕ

ХОЛМСЕ

ПО ВЕРСИИ АВТОРА

Артур
Конан
Дойл

HOLMES
BASKERVILLE
SPECTRAL HE
VATSON REMIN

HOLMES SOLVES
BASKERVILLE

HOL
BAS

- HUGO B
- GIANT
- DR. WAT

So far I have been able
had, forwarded during those
days to Sherlock Holmes.
Now, however, I have arriv
a point in my narrative wh
am compelled to abandon
method and to trust once more
my recollections, aided by
diary which I keep at all times
A few extracts from the latter
carry me on to those scenes wh
are indelibly fixed in every
upon my memory. I pro
from the morning wh
followed our abortive chase in t
suspect and our other str
experiences upon the moor.

December 16th.
"A dull and foggy day
with a drizzle of rain.
The snow is banked in with ro
clouds, which rise now
then to show the dreary ca
of the moor; with this, st
cine upon the sides of t
hills, and the distant heath
gleaming where the h
rises upon their wet faces
melancholy outside un
am conscious myself
at my heart and
of impending dang
different danger, wh
terrible because I
define it.

not come for
Consider
of mad
which I
to my
the

these rephrased.
of but over this curious grotesque
notes and then suddenly sprang to the
lavation of surprise and dismay.
anxiety."
"We have let this affair go far
to North Walsham town
up the brine table.
shall breakfast earl
said Holmes.

Ah, here is a
Hudson
these ma
ted. This
we sho
me
in

the night smile had they not proved
chance, while away the time with an
errand of so terrible
the curious pro
I am in fairly familiar with all forms of
trifling
now myself the author of a number
new to me. The
the system has recently been to
give the idea that
at the same time a message
the more and sketches of children
Having recognized the symbols
which guide
letters, and having a solution was easy
in all forms of
The first message submitted to me was so short that
was impossible for me to
confidence. The symbols
aware & so the most common letters of the highish alphabet
and it predominated to so marked an extent that
short sentence one would
Out of fifteen symbols in the first message four were
reasonable to set this down as e.

HOLMES
BASKERVILLE
SPECTRAL HE
VATSON REMIN

HOLMES SOLVES
BASKERVILLE

Золотая полка зарубежного рассказа

Артур Конан Дойл

**12 лучших рассказов о Шерлоке
Холмсе (по версии автора)**

«Книжное издательство Бабицкого»

Дойл А.

12 лучших рассказов о Шерлоке Холмсе (по версии автора) /
А. Дойл — «Книжное издательство Бабицкого», — (Золотая
полка зарубежного рассказа)

В 1927 году популярный лондонский журнал «Стрэнд» решил положить конец многочисленным спорам о том, какой именно рассказ о Шерлоке Холмсе считать самым лучшим. Главный редактор обратился к литературному «отцу» знаменитого сыщика и попросил выступить судьей и сказать свое веское слово, которое навсегда покончит со спекуляциями критиков. Сэр Артур Конан Дойл составил список из 12 историй. В сопроводительной статье он особо подчеркнул, что каждое произведение из этой дюжины достойно первого места, и объяснил, по каким критериям сделан выбор. В первую очередь, учитывались отзывы публики – письма прилетали со всего света, в том числе из России, где у Холмса уже в начале XX века было много поклонников. Больше шансов попасть в список лучших имели те рассказы, которые хвалили женщины, для писателя это было особенно важно. Таким образом, из шестидесяти сюжетов были выбраны 25. «Я начал перечитывать отложенные истории, считая, с изрядной долей легкомыслия, что мне будет не сложно выбрать из них наилучшие. Но вы даже не представляете, насколько сложную задачу я сам себе задал, – признался писатель. – Для окончательного выбора я руководствовался двумя критериями: драматичность сюжета и запутанность преступления. Могу с чистой совестью утверждать, что в этих 12 рассказах Шерлок Холмс демонстрирует и объясняет свой метод наиболее полно, а также проявляет удивительную изобретательность. Главный герой и его друг, доктор Ватсон, открываются с неожиданной стороны. Кроме того, в некоторых историях я раскрыл завесу тайны над прежней жизнью Холмса, и дал возможность читателям увидеть гораздо больше, чем просто расследование преступлений. На славу великого литератора я никогда не претендовал, но все эти рассказы настолько хороши, насколько я смог их сочинить». После этой статьи сэр Артур не написал ни единого слова о Шерлоке Холмсе. Три года спустя писатель скончался от сердечного приступа.

© Дойл А.

© Книжное издательство Бабицкого

Содержание

Пестрая лента	6
Союз рыжих	20
Пляшущие человечки	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Артур Конан Дойл

12 лучших рассказов о Шерлоке Холмсе (по версии автора)

Пестрая лента

Просматривая свои заметки о тех семидесяти случаях, по которым я в эти восемь лет изучал способ расследований моего друга – Шерлока Холмса, я нахожу между ними много трагических, несколько комических, большое количество просто странных, но ни одного заурядного или ничтожного. Из всех этих разнообразных дел, я не помню ни одного, которое носило бы такой мрачный характер, как дело, связанное с хорошо известной в провинции Суррей семьей Ройлот из замка Сток-Моран. Эти драматические события относятся еще к первому времени моей дружбы с Холмсом, до женитьбы вашего покорного слуги, когда мы оба жили в квартире на Бейкер-Стрит.

В начале апреля 1883 года я, проснувшись как-то утром, увидел у своей кровати Шерлока Холмса, одетого в выходной костюм. Он вставал обыкновенно поздно, а на каминных часах было всего только четверть восьмого, и потому я взглянул на него с удивлением и некоторой досадой за нарушение моих привычек.

– Очень жаль будить вас, Ватсон, – сказал он, – но в это утро всем пришлось рано встать. Сперва разбудили миссис Хадсон, она пришла ко мне, а я к вам. Какая-то барышня, говорят, приехала сюда в большом волнении. Она ждет в гостиной. А когда молодые барышни разезжают по столице в этот час утра и будят людей, то следует предполагать, что им надо сообщить что-нибудь очень важное. Если же случай этот окажется интересным, вы, вероятно, пожелаете проследить его с самого начала. Потому-то я на всякий случай и пришел разбудить вас.

– Вы правы, друг мой, я ни за что не упущу его.

Я не знал большого удовольствия, как сопровождать Холмса в его расследованиях, поэтому поспешно оделся и через несколько минут был готов идти с ним в гостиную. У окна сидела дама, одетая в черное, с густой вуалью на лице. Она поднялась навстречу сыщику.

– Здравствуйте, – весело сказал Холмс. – Я – Шерлок Холмс, а это мой близкий друг и товарищ, доктор Ватсон, в присутствии которого вы можете говорить так же свободно, как и наедине со мной. А хорошо, что мистрис Хадсон догадалась затопить камин. Пожалуйста, подвиньтесь поближе к нему, я велю принести чашку горячего кофе. Вижу, что вы дрожите от холода.

– Я дрожу не от холода, – тихим голосом отвечала дама, пересаживаясь ближе к камину.

– Отчего же?

– От страха, мистер Холмс, от ужасного страха.

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, что она действительно находилась в самом жалком состоянии душевного волнения. Ей нельзя дать более тридцати лет, но волосы ее местами преждевременно поседели, а выражение лица было утомленное и страдальческое. Шерлок Холмс окинул ее своим быстрым, внимательным взглядом.

– Не бойтесь, – сказал он, успокаивая ее. – Мы скоро разберем, в чем дело, и без сомнения все уладим. Вы, я вижу, приехали сегодня утром по железной дороге.

– Откуда вы знаете?

– Я вижу оставшуюся половинку возвратного билета в вашей перчатке. Вы, вероятно, выехали рано из дому... Пришлось долго ехать в кабриолете по тяжелой, грязной дороге до станции.

Дама вздрогнула и с недоумением уставилась на него.

– В этом нет ничего удивительного, – сказал он, улыбаясь. – Левый рукав вашей кофточки забрызган грязью, по крайней мере, в семи местах. Грязь эта еще совсем свежая. Я не знаю другого экипажа, который так брызгал бы грязью, как кабриолет, к тому же в нем приходится сидеть по левую сторону от кучера.

– Каким бы путем вы это ни узнали, но все верно, – сказала она. – Я уехала из дома до шести часов, была на станции Летерхед в двадцать минут седьмого и приехала сюда первым поездом. Я пришла сказать вам, что не могу дольше так жить. Я непременно сойду с ума, если это будет продолжаться. Мне не к кому обратиться, – никого у меня нет, кроме одного человека, который любит меня всей душой, но в этом случае ничем помочь не может. Я слышала о вас, мистер Холмс, от мистрис Фэринтом, которой вы помогли в тяжелую минуту ее жизни. Она дала ваш адрес. О, прошу вас, не можете ли вы помочь мне, хотя бы только тем, что постараетесь осветить тот густой мрак неизвестности и тайны, который окружает меня? В настоящую минуту я не могу ничем наградить вас за услуги, но через месяц или два я буду замужем и смогу сама располагать доходами своего состояния, тогда вы увидите, что я умею быть благодарной.

Холмс подошел к письменному столу, вынул из ящика маленькую записную книжку и внимательно стал перелистывать ее.

– Фэринтом... Фэринтом... Ах да, помню! Дело с опаловой диадемой. Это, кажется, было еще до вас, Ватсон. Я могу только сказать, что буду очень рад посвятить себя вам с тем же вниманием, с каким я действовал в деле вашей приятельницы. Что касается награды, то я нахожу ее в своем призвании, но если вам угодно будет понести те расходы, которые мне, может быть, придется сделать по вашему делу, то вы можете уплатить их в любое время, когда вам будет удобно. Теперь же я попрошу вас сообщить все, что может дать нам понятие о вашем деле.

– К сожалению, – отвечала посетительница, – весь ужас положения заключается в том, что я не знаю, чего боюсь. Подозрение мое возбуждают такие мелочи, что посторонний легко может счесть их совершенно ничтожными. Даже тот, к кому я прежде всех имею право обратиться за советом и помощью, смотрит на все, как на фантазии нервной женщины. Он не говорит этого, но я вижу по его взгляду и по ответам, которыми он старается успокоить меня. Я слышала, однако, мистер Холмс, что вы глубоко вникли и изучили разнообразные виды зла в человеческом сердце. Может быть, вы дадите мне совет, как избежать той опасности, которая окружает меня.

– Я к вашим услугам.

– Меня зовут Элен Стонер, и живу я со своим отчимом, последним потомком одного из древнейших саксонских родов – Ройлот, из замка Сток-Моран на западной границе провинции Суррей.

Холмс кивнул головой.

– Фамилия мне известна.

– Семья эта в свое время была одной из самых богатых в Англии, и владения ее простирались за границы графства, в Беркшир на север и в Хэмпшир на запад. В прошлом столетии, однако, четыре владельца один за другим оказались очень расточительными и беспорядочными людьми, и разорение семьи, начатое ими, довершил игрок, владевший имением во времена регентства. Ничего не осталось от обширного владения, кроме нескольких акров земли и двухсотлетнего дома, который уже тоже заложен на кабальных условиях.

Последний владелец имения прожил там свой век в печальном положении нищего дворянина. Единственный сын его, мой отчим, сознавая необходимость искать средства к существованию, и получив в займы некоторую сумму денег от родственника, посвятил себя медицине и, окончив курс, отправился в Калькутту. Там, благодаря научным знаниям и силе воли, он при-

обрел обширную практику. Как-то раз, в припадке гнева, вызванного воровством, совершенным в его доме, он до смерти избил буфетчика-туземца и с трудом избежал смертного приговора. Пришлось долго просидеть в заключение, после чего он вернулся в Англию мрачным и разочарованным человеком.

Во время своего пребывания в Индии доктор Ройлот женился на моей матери, миссис Стонер, молодой вдове генерал-майора Стонера, служившего в бенгальской артиллерии. Мы с сестрой Джулией двойняшки, нам было всего два года, когда мать наша вступила во второй брак. У нее было порядочное состояние, с которого она получала тысячу фунтов годового дохода. По завещанию она передала все в руки доктора Ройлота до тех пор, пока мы будем жить вместе с ним, с условием, чтобы он выплачивал нам известную сумму в год, если мы выйдем замуж. Вскоре после нашего возвращения в Англию, мать погибла во время железнодорожного крушения недалеко от Кру. Доктор Ройлот после этого отказался от всех попыток приобрести практику в Лондоне и уехал с нами жить в родовой дом Сток-Моран. Доход с капитала, оставленного матерью, удовлетворял все наши потребности, и, казалось, мы станем жить в счастье и довольстве.

Около этого времени совершилась страшная перемена в характере нашего отчима. Вместо того, чтобы познакомиться и войти в сношения с соседями, которые от души обрадовались тому, что последний потомок семьи Ройлот из Сток-Морана поселился в своем имении, он заперся в своем доме и если изредка и выходил из него, то только для какой-нибудь свирепой ссоры с первым встречным. Необузданный нрав, доходящий почти до помешательства, передавался по наследству в мужском поколении этой семьи, а у отчима он, думаю, развился еще сильнее вследствие продолжительного пребывания в тропическом климате. Целый ряд самых унижительных ссор последовал за этим, две из которых кончились в полицейском участке. Теперь он сделался страшилищем всей деревни. Люди бегут при его появлении, тем более, что отчим обладает большой физической силой и совершенно теряет всякую власть над собой, когда рассердится. На прошлой неделе он перебросил деревенского кузнеца через перила моста в реку. Я отдала все деньги, какие могла собрать, и только тем мне удалось охранить его от нового публичного скандала. У доктора Ройлота совсем нет друзей, кроме кочующих цыган, им он то и дело позволяет располагаться табором на необработанных, поросших терновником полях своего имения. Сам ходит к ним в кибитки, проводит там целые дни, а иногда даже уходит с табором кочевать по целым неделям. Кроме того, он большой любитель разных индийских животных, которых иногда присылает ему один корреспондент из Индии. Так, например, в настоящую минуту у нас по полям и саду бегают на свободе пантера и павиан, которые наводят страх на жителей деревни почти наравне со своим господином.

По тому, что я рассказала, вы можете представить, что нам с бедной сестрой жилось не очень-то весело. Никакая прислуга не хотела оставаться у нас в доме, и нам подолгу приходилось делать всю домашнюю работу. Сестре моей еще не тридцати лет, когда она умерла, а волосы ее уже начали седеть, так же, как теперь мои.

— Разве ваша сестра скончалась?

— Она умерла ровно два года тому назад. О ее смерти я и хотела поговорить с вами. Вы легко можете понять, что, живя такою жизнью, нам мало приходилось видеть людей нашего возраста и положения. У нас есть тетя, незамужняя сестра моей матери, мисс Онория Вестфэль, которая живет в Хэрроу. Изредка нам дозволялось навещать ее. Джулия ездила туда на Рождество два года тому назад, познакомилась с морским офицером и сделалась его невестой. Отчим узнал об этой помолвке, когда сестра вернулась домой, и не отказал ей в своем согласии. Только, за две недели до дня, назначенного для свадьбы, случилось то страшное событие, которое лишило меня единственного близкого человека.

Шерлок Холмс все время сидел, прислонившись к спинке стула, закрыв глаза и оперев голову на подушку, теперь он с интересом взглянул на посетительницу.

– Пожалуйста, будьте точны в подробностях, – сказал он.

– Это не составит труда, потому что все мельчайшие обстоятельства этих страшных минут врезались в память. Дом, как я уже говорила, очень стар, и только в одном флигеле можно жить. Все спальни находятся в первом этаже этого флигеля, а гостиные в средней части здания. Из этих спален первая – комната доктора Ройлота, вторая – комната моей сестры, а крайняя – моя. Между ними нет сообщения, но все они выходят в один коридор. Достаточно подробно я говорю?

– Вполне.

– Окна всех трех комнат выходят на луг перед домом. В тот роковой вечер доктор Ройлот рано ушел к себе в спальню, но не ложился спать. Это сестра знала по сильному запаху его крепких индийских сигар, дым которых проникал в ее комнату. Она ушла из своей спальни и пришла ко мне, посидеть и поболтать о предстоящей свадьбе. В одиннадцать часов Джулия встала и хотела уйти, но остановилась у двери и оглянулась на меня.

«Скажи мне, Элен, ты никогда не слышишь ночью какого-то особенного свиста?»

«Никогда», – отвечала я.

«Ведь не может быть, чтобы ты сама свистела во сне?»

«Конечно, нет. А что?»

«В последние две или три ночи я слышу негромкий, но ясный свист. Всегда около трех часов. У меня легкий сон, и это будит меня. Не могу сказать, откуда этот свист, из другой ли комнаты или с луга перед домом».

«Нет, я ничего не слышала. Это, вероятно, цыгане свистят в поле».

«Должно быть. Но если это во дворе, удивительно, что ты ничего не слышала».

«Да, но я сплю крепче тебя».

«Во всяком случае, это не имеет большого значения», – сказала сестра, улыбаясь.

Выходя, она затворила дверь моей комнаты и через несколько минут я услышала, как она повернула ключ в замке своей двери.

– Вот как, – спросил Холмс. – Разве вы привыкли на ночь запирайтесь на ключ?

– Всегда.

– А почему?

– Ведь я говорила, что у доктора бегают на свободе пантера и павиан. Мы не могли быть спокойны, не заперев двери на ключ.

– Хорошо. Пожалуйста, продолжайте.

– Я не могла заснуть в ту ночь. Неопределенное предчувствие грозящего несчастья будоражило меня. Если помните, мы с сестрой были двойняшками, а вы знаете, как неуловима и тесна связь между двумя душами, так близко сродными между собой. Ночью разыгралась буря. Ветер гудел на дворе, а дождь хлестал и бил в окна. Вдруг среди шума бури раздался дикий крик испуганной женщины. Я узнала голос сестры. Вскочив с постели, я накинула платок и бросилась в коридор. В ту минуту, как я отворила дверь, мне показалось, что я услышала негромкий свист, тот самый, о котором говорила сестра, и с минуту после этого раздался звенящий звук как от упавшего металлического предмета. Выбежав в коридор, я услышала, как отворяется дверь комнаты моей сестры. При свете лампы в коридоре я увидела сестру, стоявшую в проеме двери. Джулия протянула вперед руки, как бы в поисках опоры, и вся шаталась, как пьяная. Я подбежала и подхватила ее обеими руками, но в ту же минуту ноги ее подкосились, и она упала на пол. На полу она стала биться, как от страшной боли, руки и ноги ее судорожно скорчились. Сперва я подумала, что она не узнала меня, но когда я нагнулась, Джулия вдруг вскрикнула таким голосом, какого я никогда не слышала: «О, Боже мой, Элен. Пестрая лента! Пестрая лента!» Она хотела еще что-то сказать и указала пальцем в направлении комнаты доктора, но судорога захватила ее дыхание. Я побежала по коридору и громко позвала отчима. Он выбежал в халате из своей спальни. Когда он подошел к сестре, та была уже без

сознания. Отчим влил ей в горло водки и послал за деревенским врачом, но все усилия оказались тщетными: Джулия умерла, не вернувшись к сознанию. Такова была страшная кончина моей дорогой сестры.

– Позвольте спросить, – прервал ее Холмс, – вы вполне уверены, что слышали свист и металлический звук. Можете присягнуть на этом?

– Это было первое, что спросил судебный следователь! У меня в памяти осталось очень ясное впечатление этих звуков, но среди гула и рева бури я могла, конечно, и ошибаться.

– Сестра ваша была одета?

– Нет, она была в ночном белье. В правой руке нашли обгорелый кончик спички, а в левой коробок.

– Это доказывает, что она успела засветить огонь и оглядеться кругом после испуганного крика. Это важно. К каким заключениям привело следствие?

– Судебный следователь очень тщательно вник во все подробности, так как поведение доктора Ройлота без того уже возбуждало всеобщее внимание, но не мог найти ничего, что могло бы объяснить смерть моей сестры. Из моих показаний узнали, что дверь ее комнаты была заперта изнутри, а окно закрыто старинными ставнями, загороженными толстыми железными перекладинами, которые накрепко запираются каждый вечер. Стены были тщательно обысканы и оказались крепкими, никаких потайных дверей. То же было сделано и с полом, и с тем же результатом. Камин, правда, весьма просторен, но загорожен четырьмя крепкими железными прутами. Нет сомнения в том, что сестра моя была одна, когда ее настигла смерть. К тому же на теле не было ни малейшего следа насилия.

– А что вы скажете о яде?

– Доктора, осмотрев тело, не нашли никаких признаков отравы.

– От чего же, вы думаете, умерла эта бедная девушка?

– По-моему, она умерла от страха и нервного потрясения. Но что могло так испугать Джулию, я решительно не могу представить себе.

– Цыгане гостили в то время в имении?

– Да, они почти всегда живут там.

– А как вы объясняете ее слова о ленте, – о пестрой ленте?

– Иногда мне кажется, что это был просто бред. А иногда думаю, что они, может быть, относились к пестрому головному убору, который носят женщины в цыганском таборе.

Холмс покачал головой, как будто неудовлетворенный этим объяснением.

– Темное дело, – сказал он. – Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ.

– С тех пор прошло два года. Жизнь моя стала еще более одинока, чем прежде. Однако, месяц тому назад, один близкий друг, которого я давно уже знала, попросил моей руки. Его фамилия Армитэдж, Перси Армитэдж, второй сын мистера Армитэджа из Крен-Уотера, это недалеко от Рединга. Отчим дал согласие на этот брак, и свадьба наша назначена скоро. Дня два тому назад начали делать какие-то починки в стене западного флигеля нашего дома и проломили стену моей спальни, так что пришлось перебраться в ту комнату, где умерла сестра, и спать в той самой кровати, в которой она спала. Вообразите мой ужас, когда в прошлую ночь, лежа в постели и думая о страшной кончине Джулии, я вдруг услышала в тишине ночи тот же самый тихий свист, который был предвестником ее смерти. Я вскочила с постели и зажгла лампу, но в комнате никого не было. Я так сильно испугалась, что не стала ложиться опять, и, как только рассвело, вышла из дома, наняла кабриолет в гостинице "Корона" и поехала в Лестерхед, на станцию, откуда и прибыла сюда, с намерением повидать вас и попросить вашего совета.

– И правильно сделали, – сказал мой друг. – Все ли вы рассказали?

– Да, все.

– Мисс Ройлот, это неправда. Вы бережете своего отчима.

– Что вы хотите сказать?

Вместо ответа Холмс приподнял черное кружево рукава, которое отчасти закрывало руку, лежавшую на колене его посетительницы. Пять маленьких синеватых пятнышек, следы пальцев, ясно виднелись на белой кисти.

– Он мучает вас, – сказал Холмс.

Дама сильно покраснела и поспешно прикрыла руку.

– Он вспыльчивый человек и, вероятно, сам не знает меру своей силе.

Наступило долгое молчание; Холмс опустил подбородок на руки и уставился глазами в огонь камина.

– Дело это очень темное, – сказал он, наконец. – Тут еще тысяча подробностей, которые мне непременно надо узнать прежде, чем решить, как действовать. Но, вместе с тем, нельзя терять времени. Если бы, например, мы приехали сегодня в Сток-Моран. можно было бы нам осмотреть комнаты без ведома вашего отчима?

– Он говорил, что ему именно сегодня надо быть в городе по какому-то важному делу. Вероятно, до вечера он не вернется домой. В таком случае вам ничто не помешает. У нас теперь экономка в доме, но она стара и глупа, я легко могу удалить ее на время.

– Отлично. Вы согласны на эту поездку, Ватсон?

– Согласен.

– Так, значит, мы оба приедем. А что вы сами намерены делать?

– Мне надо справить еще кое-какие покупки в городе, но я вернусь домой с двенадцатичасовым поездом, чтобы быть там, когда вы приедете.

– Вы можете ждать нас вскоре после вашего возвращения. У меня самого еще есть дело до тех пор. Не хотите ли позавтракать?

– Нет, мне некогда. У меня уже теперь легче стало на сердце после того, как я сообщила вам свои опасения. Буду ждать вас с нетерпением.

Она опустила густую черную вуаль на лицо и вышла из комнаты.

– Что вы думаете обо всем этом, Ватсон? – спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

– Дело это кажется мне темным и страшным.

– Да, оно и темное, и страшное.

– Однако если дама эта не ошибается, говоря, что пол и стены комнаты крепки и невредимы, и что ни в дверь, ни в окно, ни в камин нельзя проникнуть, то сестра ее и вправду была одна, когда ее постигла таинственная участь.

– Чем же тогда объяснить ночной свист и странные слова умирающей девушки?

– Не знаю.

– Если сопоставить все эти указания: повторявшийся ночью свист, присутствие табора цыган, находившихся в близкой дружбе со старым доктором, принять во внимание, что для доктора очень выгодно помешать браку падчерицы, потом предсмертные слова девушки, относившиеся к каким-то лентам, и наконец металлический звук, который слышала мисс Элен Стонер и который вероятно произошел от одной из железных перекладин, загораживающих ставни... Все это наводит на мысль, что по таким уликам можно разъяснить эту тайну.

– Но что же могли сделать с ней цыгане?

– Не могу себе представить!

– В этой теории я нахожу много противоречий, – заметил я.

– И я тоже, – кивнул Холмс. – Для того-то мы и едем в Сток-Моран сегодня. Я хочу проверить эти противоречия. Но, черт возьми, что это такое?

Восклицание моего друга было вызвано тем, что дверь наша вдруг с шумом распахнулась, и на пороге показался человек громадного роста. На нем была высокая шляпа, длинный черный сюртук и пара высоких штиблет, а в руке он держал охотничью плеть. Он был так высок ростом,

что верх его шляпы задевал за перекладину двери, а ширина его плеч, казалось, заполняла все свободное место. Большое лицо, испещренное морщинами, загорелое, темно-желтое, изрытое следами злых страстей, оборачивалось то к одному, то к другому из нас, между тем как глубоко впалые глаза с желчными белками и высокий, изогнутый, тонкий нос придавали ему сходство со старой, свирепой хищной птицей.

– Который из вас Холмс? – спросил появившийся господин.

– Это моя фамилия, но вы имеете преимущество надо мной, – спокойно отвечал мой друг. – Вы знаете меня, но я не знаю, кто вы.

– Я доктор Граймсби Ройлот из Сток-Морана.

– Очень рад, доктор, – хладнокровно сказал Холмс. – Пожалуйста, присядьте.

– Не собираюсь этого делать! Падчерица моя была здесь, я проследил ее. Что она вам рассказала?

– Сегодня холодно на дворе, не правда ли? – проговорил Холмс.

– Что она вам рассказала? – сердито закричал старик.

– Однако я слыхал, что крокусы уже начинают расцветать, – продолжал Холмс все в том же тоне.

– Ага! Не хотите отвечать? – воскликнул наш новый посетитель, делая шаг вперед и взмахивая плетью. – Я знаю вас, вы – негодяй! Я давно слышал про вас, вы – Холмс, сыщик.

Друг мой улыбнулся.

– Суете нос повсюду!

Улыбка Холмса еще расширилась.

– Вы – Холмс, доносчик Скотланд-Ярда.

Холмс от души захохотал.

– Разговор наш необыкновенно забавен, – проговорил он. – Пожалуйста, затворите дверь, когда будете уходить, из нее пренеприятно дует.

– Я уйду только тогда, когда выскажу все, что мне надо. Не смейте мешаться в мои дела. Я знаю, что мисс Стонер была здесь: я проследил ее. Меня опасно раздражать. Вот, смотрите!

Он поспешно подошел к камину, взял из него стальную кочергу и согнул ее в дугу своими большими смуглыми руками.

– Смотрите, не попадитесь мне в руки! – проворчал он и, бросив согнутую кочергу на пол, вышел из комнаты.

– Очень любезный господин, – проговорил Холмс, смеясь. – Я не так велик, как он, но если бы он подождал минутку еще, я показал бы ему, что и я не многим слабее его.

Говоря это, он поднял кочергу и быстрым движением выпрямил ее.

– Какая дерзость смешивать меня с полицейскими сыщиками! Это свидание, однако, придает еще больше интереса нашему делу. Надеюсь только, что наша маленькая барышня не поплатится за свою неосторожность... Теперь, Ватсон, мы позавтракаем, а потом я пойду в главную контору духовных завещаний, где надеюсь найти несколько указаний для этого дела.

Было около часу, когда Шерлок Холмс вернулся домой. В руке он держал лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

– Я видел завещание умершей жены доктора Ройлота, – сказал он. – Чтобы определить настоящее значение его, я должен был сделать расчет сумм в настоящую минуту, составляющих цену бумаг, которые представляют собой все ее состояние. Общая сумма дохода, когда она умерла, была приблизительно 1100 фунтов, теперь же, вследствие упадка цен на сельскохозяйственные продукты, она составляет не более 750 фунтов в год. Каждая из дочерей, вступив в брак, имеет право на 250 фунтов годового дохода. Очевидно, что если бы обе девушки вышли замуж, то на долю этого прелестного господина пришлось бы самая пустяшная сумма. Даже одна из них, выйдя замуж, нанесла бы ему значительный убыток. Как видите, расчеты не были простой тратой времени: они убедили меня в том, что доктор имеет самое решитель-

ное основание помешать браку падчерицы. Ну, а теперь, Ватсон, нам нечего мешкать, дело слишком серьезно, тем более что старик знает о нашем интересе к его делам. Если вы готовы, мы позовем извозчика и поедem на Вокзал. Кстати, захватите-ка револьвер... Он будет веским доводом в глазах человека, который завязывает узлом стальную кочергу. Револьвер и зубная щетка, – вот все, что нам нужно.

На вокзале Ватерлоо нам удалось попасть на поезд. Приехав в Летерхед, мы на постоялом дворе у станции наняли коляску и поехали по дороге среди зеленых лугов Суррея. Спутник мой сидел, глубоко задумавшись, скрестив руки, надвинув шляпу на глаза и опустив голову на грудь. Вдруг он поднял голову и дотронулся до моего плеча, указывая вдаль.

– Посмотрите! – сказал он.

За лугами по отлогому холму подымался густой, заросший парк, стущаясь кверху и образуя нечто вроде рощи. Между деревьями виднелись серые углы и верх остроконечной крыши старинного дома.

– Это Сток-Моран? – спросил он.

– Да, сударь, это дом доктора Граймсби Ройлота, – заметил возница, правивший лошадью.

– Там делают перестройку, – сказал Холмс, – мы туда едем.

– Вон там деревня, – продолжал кучер, указывая налево на маленькую кучу крыш, на некотором расстоянии, – но если вам надо в усадьбу, вам короче будет пройти пешком через вон тот забор и по тропинке. Туда, где барышня гуляет.

– А эта барышня, вероятно, мисс Стонер, – заметил Холмс, заслоня глаза от солнца. – Да, я думаю нам лучше дойти пешком.

Мы вылезли, заплатили вознице, и коляска поехала назад в Летерхед.

– Я на всякий случай, – проговорил Холмс, пока мы перелезали забор, – сказал этому человеку, что мы приехали сюда для перестройки, пусть думает, что мы архитекторы, или что-нибудь подобное. Меньше сплетничать будет... Здравствуйте, мисс Стонер. Вы видите, мы сдержали обещание.

Дама, посетившая нас утром, с радостным лицом поспешила нам навстречу.

– Я с таким нетерпением ждала вас, – воскликнула она, горячо пожимая нам руки. – Все устроилось отлично: доктор Ройлот уехал в город и, вероятно, не вернется до вечера.

– Мы имели удовольствие познакомиться с доктором, – сказал Холмс, и в нескольких словах передал ей все, что случилось.

Мисс Стонер побледнела так, что губы ее побелели.

– Боже мой! Значит, он следил за мной. Он так хитер, что я никогда не знаю, что он может сделать. Что он скажет, когда вернется!

– Ему следует быть осторожным, не то он может попасться в руки людям хитрее его самого. Вам надо запереться от него в своей комнате на весь вечер. Если отчим будет груб, мы отвезем вас к тетке в Хэрроу. Теперь же не надо терять времени, пожалуйста, покажите нам те комнаты, которые нам надо осмотреть.

Дом был серый, каменный, поросший мхом. Он состоял из высокой средней части и двух флигелей, выстроенных с обеих сторон полукругом, напоминающим клешни краба. В одном из флигелей окна были разбиты и заколочены досками, а крыша частью провалилась и придавала всему зданию вид полного разорения. Средняя часть была в немного лучшем состоянии, а правый флигель, относительно новый, занимали жилыцы. У крайнего угла виднелись леса, а стену дома проломили в нескольких местах, но рабочих не было видно во все время нашего осмотра. Холмс стал медленно прохаживаться по двору и с большим вниманием осматривал снаружи окна дома.

– Это, должно быть, окно комнаты, где вы спали прежде, посередине окно вашей сестры, а это, ближе всех к средней части дома, вероятно, окно комнаты доктора Ройлота?

– Да, совершенно верно. Но я теперь сплю в средней комнате.

– По случаю перестройки, да. Впрочем, кажется, не было особенной надобности чинить эту стену?

– Ни малейшей! Я думаю, что это только предлог, чтобы выселить меня из комнаты.

– А, вот как... Это очень важно! На другой стороне в этом узком флигеле, – коридор, в который выходят все три комнаты. В нем, конечно, тоже есть окна?

– Да, но очень узкие. В них никто пролезть не сможет.

– Если вы обе запирали двери на ключ, то не было конечно и никакой возможности проникнуть к вам с той стороны. Теперь будьте так добры, войти в вашу комнату, запереть ставни изнутри и укрепить их железной перекладиной.

Мисс Стонер исполнила его желание, и Холмс, тщательно осмотрев ставни, попробовал всевозможными способами взломать их, но это ему не удалось.

Не было ни малейшей щели, в которую можно было бы просунуть нож. С помощью увеличительного стекла, он внимательно осмотрел их петли, сделанные из крепкого железа и глубоко вбитые в массивную стену.

– Гм, – проговорил Холмс в некотором недоумении, потирая подбородок. – Теория моя, как я вижу, не состоятельна. В эти ставни, когда они загорожены перекладиной, никто пролезть не может. Увидим, что покажут нам комнаты внутри.

Маленькая боковая дверь вела в выбеленный коридор, куда выходили двери трех спален. Холмс не счел нужным осматривать крайнюю комнату, и мы прямо вошли во вторую спальню, в которой теперь жила мисс Стонер, и где сестру ее постигла страшная участь. Это была уютная, старинная комнатка с низким потолком и большим камином. Комод из темного дерева стоял в одном углу, узкая кровать, покрытая стеганым одеялом, в другом, а туалетный стол на левой стороне окна. Эти предметы, вместе с двумя плетеными стульями, составляли всю меблировку комнаты. Середину пола покрывал простой ковер. Пол и деревянные панели на стенах были из темного поеденного червями дуба и так стары, что, казалось, их приколотили при самой первоначальной постройке дома. Холмс подвинул один из стульев в угол и, сев на него, молча стал осматриваться, водя глазами по стенам, потолку и полу, замечая все малейшие подробности.

– Куда ведет этот звонок? – спросил он, наконец, указывая на толстый шнурок, висевший около самой кровати так, что кисть его лежала на подушке.

– В комнату экономки.

– Шнурок этот, как будто, новее остальных вещей в комнате?

– Да, этот звонок недавно устроен здесь, года два или три тому назад.

– Ваша сестра просила об этом?

– Нет. Я никогда не слышала, чтобы она пользовалась им. Мы привыкли все делать сами.

– Да, правда, казалось бы, даже жалко вешать сюда такой красивый шнурок. Извините, мне надо осмотреть пол.

Он бросился на пол и с увеличительным стеклом в руке стал ползать взад и вперед, тщательно осматривая щели между половицами. Приподнявшись, он так же внимательно осмотрел деревянные панели на стенах. Наконец он подошел к кровати и, став около нее, начал оглядывать стену сверху вниз. В довершение он взял в руку шнурок и крепко дернул.

– Да ведь это немой звонок, – удивился он.

– Разве он не звонит?

– Нет, к нему даже не приделано проволоки. Как интересно! Видите, шнурок висит просто на крючке под маленьким отверстием вентиляции у потолка.

– Как глупо! Я никогда не замечала этого.

– Очень странно! – пробормотал Холмс, снова дергая шнурок. – В этой комнате есть две-три несообразности. Так, например, к чему дурак-архитектор проделал вентиляцию в другую комнату, когда ему так же легко было сделать его в наружной стене?

– Это тоже недавно сделано.

– Должно быть, в одно время со звонком, – заметил Холмс.

– Да, в то время отчим затеял несколько изменений в доме.

– И, кажется, очень интересные изменения, – немые звонки и вентиляция, которая не пропускает свежего воздуха. Теперь, с вашего позволения, мисс Стонер, мы перейдем в соседнюю комнату.

Спальня доктора Граймсби Ройлота была больше комнаты его падчерицы, но так же просто меблирована. Походная кровать, небольшая деревянная полка с книгами, большей частью научного содержания, кресло у кровати, простой деревянный стул у стены, круглый стол и большой железный шкаф. Холмс медленно прошелся по комнате, с особенным вниманием осматривая каждую вещь.

– Что в этом шкафу? – спросил он, постучав пальцем в железную дверцу.

– Деловые бумаги отчима.

– Вы, значит, заглядывали в него?

– Только раз, несколько лет тому назад, и помню, что он был полон бумаг.

– Нет ли в нем, например, кошки?

– Нет. Какая странная мысль!

– А вы посмотрите сюда!

Он снял со шкафа блюдечко с молоком.

– Нет, у нас нет кошки, но здесь бегают пантера и павиан.

– Да, конечно. Пантера – это большая кошка, хотя блюдечко с молоком вряд ли удовлетворило бы ее аппетит. Тут есть еще одно обстоятельство, которое мне хотелось бы прояснить.

Он присел на корточки перед стулом и стал рассматривать сидение.

– Все ясно, – сказал он, подымаясь и опуская увеличительное стекло в карман. – А это что? Вот интересная вещь!

Предметом, бросившимся ему в глаза, была маленькая собачья плетка, висевшая на углу кровати. Плетка была свернута и завязана в петлю.

– Что вы думаете об этом, Ватсон?

– Совершенно обыкновенная плетть. Не знаю только, зачем она завязана?

– Это не так-то обыкновенно, не правда ли? Ах да! Мы живем в злое время, и когда умный человек задумает преступление, оно оказывается хуже всех. Теперь я, кажется, все видел, мисс Стонер, и с вашего позволения мы выйдем на луг.

Я никогда еще не видел моего друга таким серьезным и мрачным, как в эту минуту, когда мы покинули осмотренные им комнаты. Мы несколько раз прошли по лугу взад и вперед, но ни мисс Стонер, ни я не прерывали его раздумья.

Наконец он сам заговорил.

– Теперь главное, мисс Стонер, чтобы вы с самой строгой точностью следовали моему совету.

– Непременно.

– Слишком серьезное дело. От этого зависит ваша жизнь.

– Уверяю вас, что в точности выполню все.

– Во-первых, мы с доктором Ватсоном должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стонер и я – оба с удивлением посмотрели на него.

– Да, это необходимо. То, что виднеется там, постоялый двор, не так ли?

– Да, это гостиница "Корона".

– Хорошо. Оттуда видны ваши окна?

– Конечно.

– Когда отчим вернется домой, запретесь в своей комнате под предлогом головной боли. Как только вы услышите, что он пришел к себе спать, откройте ставни и отодвиньте задвижку у вашего окна. Поставьте лампу на подоконник в виде сигнала нам и, взяв с собой все, что может понадобиться, уходите в соседнюю комнату, которую занимали прежде. Я думаю, что, несмотря на начатую там перестройку, вы все-таки сможете провести там одну ночь?

– О, да, легко могу.

– Остальное будет уже в наших руках.

– Что же вы намерены делать?

– Мы проведем ночь в вашей комнате и постараемся узнать причину странного свиста, который так беспокоил вас.

– Мне кажется, мистер Холмс, что вы уже составили ясное представление об этом деле, – сказала мисс Стонер, положив руку на рукав пальто моего друга.

– Может быть.

– Прошу вас, сжальтесь надо мной и скажите, что было причиной смерти Джулии?

– Мне хотелось бы иметь более определенные улики, прежде чем сообщить вам это.

– Скажите, по крайней мере, верно ли мое предположение, что она умерла просто от испуга?

– Нет, не думаю. Теперь, мисс Стонер, мы должны покинуть вас. Если доктор Ройлот вернется домой и застанет нас, эта поездка окажется совершенно бесполезной. Прощайте, и не бойтесь. Если вы сделаете все, о чем я просил вас, – можете быть уверены, что мы скоро устраним всякую опасность, грозящую вам.

Мы с Шерлоком Холмсом без затруднения наняли комнату в деревенской гостинице "Корона". Она находилась в верхнем этаже, из окна видны были ворота и обитаемый флигель дома Сток-Моран. Когда начало смеркаться, мы видели, как доктор Граймсби Ройлот проехал мимо гостиницы. Громадная фигура его казалась еще больше в сравнении с мальчиком, сидевшим рядом с ним и правившим лошадей. Мальчик замешкался, отворяя тяжелые железные ворота, и мы слышали сердитый голос доктора, бранившего его, и видели, как он гневно грозил ребенку кулаком. Коляска поехала дальше, и несколько минут спустя блеснул свет между деревьями, когда зажгли лампу в одной из гостиных дома.

– Знаете что, Ватсон, – сказал Холмс, сидя рядом со мной в густевших сумерках комнаты. – Мне немножко совестно брать вас туда. Это не безопасно.

– Но ведь я могу быть вам полезен. Нет никаких сомнений, я пойду с вами в этот странный дом. Но вы говорите об опасности... Значит, в этих комнатах вы увидели что-то такое, чего я не разглядел?

– Нет, но мне кажется, что я сделал несколько выводов из того, что и вы видели вместе со мной.

– Я ничего особенного не видел, кроме звоночного шнура, и должен признаться, что не понимаю, зачем он повешен.

– Вы видели также и вентиляцию.

– Да, но я не вижу ничего необыкновенного в том, что сделано маленькое отверстие между двумя комнатами. Оно так мало, что даже крыса не пролезет в него.

– Еще до приезда моего в Сток-Моран, я уже знал, что мы найдем вентиляцию в этой комнате.

– Что вы, Холмс?

– Да, знал. Помните, она рассказывала нам, что сестру ее беспокоил дым сигар доктора Ройлота? Это очевидно указывало на то, что было какое-то сообщение между обеими комнатами. Отверстие могло быть только очень небольшое, не то его непременно заметил бы при обыске следователь. Из этого я заключил, что это вентиляция.

– Но что же в нем особенного?

– Согласитесь, однако, что тут несколько странное сочетание обстоятельств. Делают вентиляцию, навешивают шнурок, – и девушка, спящая в кровати, внезапно умирает. Разве это не поражает вас?

– Я никакой связи не вижу.

– Вы не заметили ничего особенного в кровати?

– Нет.

– Она приделана к полу. Вы прежде когда-нибудь видели, чтобы кровати накрепко прибивали к полу? Кровать эту нельзя сдвинуть с места. Она всегда должна оставаться в одном положении относительно вентиляции и шнурка, который никогда не предназначалась для звонка.

– Холмс, – вскрикнул я. – Теперь я начинаю смутно понимать, на что вы намекаете. Мы только что успеем предупредить самое хитрое и страшное преступление.

– Да, и хитрое, и страшное. Когда доктор – злодей, он всегда бывает самым ужасным преступником. У него есть и смелость, и знание. Убийцы Пальмер и Причард были первоклассными учеными, а этот, кажется, еще замечательнее их. Нам с вами, Ватсон, надеюсь, удастся перехитрить его. Кто знает, какие ужасы предстоят нам в эту ночь! Выкурим по трубочке, в покое, и поговорим о чем-нибудь другом, – повеселее этого!

Около девяти часов свет между деревьями исчез, и старинный дом погрузился во мрак. Медленно прошли еще два часа. Ровно в одиннадцать вдруг засветился яркий огонек в окне флигеля.

– Вот наш сигнал, – вскрикнул Холмс, вскакивая со стула. – Он горит в среднем окне.

Выходя, он сказал несколько слов хозяину гостиницы, объяснив, что мы отправляемся к знакомому и, может быть, проведем ночь у него. Минуту спустя мы спешили по направлению желтоватого света, горевшего в ночном мраке и указывавшего нам путь. Войти в сад было не трудно. В каменной ограде старого парка было много проломов. Пробираясь между деревьями, мы дошли до луга, перешли его и собирались уже влезть в открытое окно, как вдруг из группы лавровых кустов выскочило что-то, похожее на отвратительного кривляющегося ребенка. Существо это бросилось на траву, кувыркаясь и вопя, а потом неожиданно скрылось в темноте.

– Боже мой! – прошептал я. – Вы видели?

Холмс на мгновение тоже испугался. Пальцы его, как щипцы, стиснули мою руку. Потом тихонько засмеялся.

– Вот приятное общество! – пробормотал он. – Это павиан.

Я совсем забыл про своеобразных любимцев доктора. Здесь водилась и пантера, которая каждую минуту могла прыгнуть нам на плечи. Я, признаться, почувствовал некоторое облегчение, когда, по примеру Холмса, сняв башмаки, очутился в комнате. Спутник мой бесшумно закрыл ставни, переставил лампу на стол и огляделся в комнате. Все было совершенно в том же положении, как и днем. Подкравшись ко мне и согнув руку трубой, он шепнул мне в ухо так тихо, что я едва мог расслышать слова:

– Малейший звук расстроит все.

Я кивнул головой.

– Нам надо потушить лампу, а то он увидит свет в вентиляцию.

Я опять кивнул.

– Не засыпайте, жизнь ваша зависит от этого. Приготовьте на всякий случай пистолет, может быть, он понадобится. Я сяду на кровать, а вы на этот стул.

Я вынул револьвер и положил на угол стола.

Холмс захватил с собой длинную тонкую трость, которую положил около себя на постель. Рядом он поставил коробочку спичек и огарок свечки. Потом он потушил лампу, и мы очутились в полной темноте.

Забуду ли я когда-нибудь эти страшные часы бдения во мраке! В отдалении слышался звон церковных часов, отбивавших каждую четверть часа. Какими невыносимо долгими казались мне эти четверти часа! Пробило двенадцать, потом час, два и три, а мы все сидели и ждали, что будет.

Вдруг в отверстии вентиляции блеснул свет и сейчас же исчез, но вслед за ним стал распространяться запах горевшего керосина и разогретого металла. Кто-то в соседней комнате, очевидно, зажег глухой фонарь. Я услышал тихий звук движения, и потом все опять затихло, только запах керосина все усиливался. С полчаса я просидел, напрягая слух. Тут вдруг послышался новый звук, очень тихое шипение, как будто тонкой струйки пара, равномерно выходявшей из маленького котелка. В то самое мгновение, как раздался этот звук, Холмс вскочил с постели, поспешно зажег спичку и стал изо всех сил бить тростью по висевшему на стене звоночному шнуру.

– Видите, Ватсон, – кричал он, – видите?

Но я ничего не видел. В ту минуту, как Холмс зажег огонь, я услышал негромкий свист, но внезапный свет ослепил мои усталые глаза и отнял всякую возможность разглядеть то, на что друг мой набросился с такой яростью. Я видел только, что лицо его было смертельно бледно и выражало ужас и отвращение.

Холмс перестал колотить по веревке и смотрел теперь вверх, на вентиляцию. Тут вдруг в ночной тишине раздался самый жуткий крик, который я когда-либо слышал. Он становился все громче и громче, в этом хриплом звуке слышались боль, ужас, гнев, соединенные вместе в один отчаянный человеческий вопль. Говорят, что в деревне и даже еще дальше, в доме пастора, крик этот разбудил спавших жителей. Мы как будто окаменели от ужаса, я смотрел на Холмса, а он на меня, пока последнее эхо этого звука не смолкло в ночной тишине.

– Что это? – спросил я, задыхаясь.

– Это значит, что все кончено, – отвечал Холмс. – Может быть, и к лучшему. Возьмите ваш пистолет, мы войдем в комнату доктора Ройлота.

Он зажег лампу и повел меня по коридору. Постучавшись в дверь два раза и не получив ответа, Холмс повернул ручку и вошел. Я следовал за ним, держа в руке пистолет с взведенным курком.

Нам представилось странное зрелище. На столе стоял полуоткрытый глухой фонарь, и яркий свет падал на железный шкаф, дверца которого была отворена. У стола, на деревянном стуле, сидел доктор Ройлот, одетый в длинный серый халат, из-под которого виднелись его голые ноги, всунутые в турецкие туфли без каблуков. На коленях лежала та самая короткая плетка, которую мы видели в его комнате днем. Подбородок доктора был поднят вверх, а неподвижный, ужасный взгляд широко раскрытых глаз устремлен в потолок. Вокруг его головы была обернута какая-то странная желтая лента, покрытая темными пятнами, и, казалось, плотно облегла ее. Когда мы вошли, Ройлот не обернулся.

– Вот она лента! Пестрая лента! – прошептал Холмс.

Я сделал шаг вперед. В ту же минуту странный головной убор зашевелился, и из-за волос доктора поднялась плоская, угловатая головка ядовитой змеи.

– Это болотная гадюка! – воскликнул Холмс, – самая опасная змея Индии. Доктор умер через десять секунд после укуса. Вот как зло наказывает злодея, и как он падает в яму, вырытую для другого! Бросим это отвратительное существо в сейф, а потом отвезем мисс Стонер в безопасное место и уведомим местную полицию о том, что случилось.

Говоря это, он быстрым движением схватил плетку с колен мертвеца, накинул петлю на голову змеи, стащил ее и, держа руку далеко от себя, кинул гадюку в железный шкаф, который тотчас же запер.

Вот достоверные факты, касающиеся смерти доктора Граймсби Ройлота из Сток-Морана. Нет надобности удлинять этот, без того уже длинный, рассказ подробным описанием того, как

мы сообщили грустное известие испуганной девушке, как отправили ее с утренним поездом к тетке в Хэрроу, и как полиция, после долгого и сложного следствия, пришла к заключению, что доктора постигла смерть во время опасной игры с прирученной змеей.

На следующий день, когда мы ехали домой, Шерлок Холмс добавил к этому делу все недостающие детали.

– Сперва, – говорил он, – я составил совершенно ошибочное понятие об этом деле, что доказывает, мой дорогой Ватсон, как опасно выводить заключения из недостаточных улик. Присутствие цыган и слово "лента", которым бедная умершая девушка хотела, вероятно, объяснить то, что поразило Джулию, когда она зажгла спичку, навели меня на ложный след. В свое извинение я могу сказать, что немедленно отказался от своего предположения, когда стало ясно, что никакая опасность не могла грозить жильцу этой комнаты ни со стороны двери, ни со стороны окна. Внимание мое, как я уже говорил, привлекли вентиляция и звоночный шнурок, висевший у постели. Открытие, что это немой звонок и что кровать прикреплена к полу, сейчас же внушило мне подозрение, что веревка служила проводником для чего-то, что могло пролезть в вентиляцию и достать до постели. Тут я подумал о змее, и, приняв в соображение, что доктору присылали разных животных из Индии, я понял, что попал на настоящий след. Мысль употребить такой яд, который нельзя было бы открыть химическим опытом, могла прийти в голову умному, злому человеку, знающему восточные уловки. Быстрота, с которой действует такой яд, была с его точки зрения огромным преимуществом. Судебному следователю надо было бы иметь очень зоркие глаза, чтобы рассмотреть на теле умершей две темные точки – следы ядовитых зубов. Тут я вспомнил и свист. Ройлоту необходимо было вернуть назад змею, прежде чем утренний свет обнаружит ее в комнате жертвы. Доктор приучил гадюку, вероятно, с помощью молока, которое мы видели, возвращаться на его свист. Он выпускал змею в вентиляцию в тот час ночи, который казался наиболее удобным, уверенный, что она сползет вниз по веревке в постель. Конечно, гадюка могла укусить или не укусить девушку, предположим даже, в продолжение целой недели мисс Стонер избегала бы укуса, однако рано или поздно она непременно должна была умереть. Я пришел к этим заключениям еще прежде, чем вошел в комнату доктора. Осмотрев стул, я увидел, что Ройлот имел привычку становиться на него ногами, что, разумеется, было нужно, чтобы достать до вентиляции. Вид железного шкафа, блюдечка с молоком, петли на плетке окончательно рассеяли все сомнения. Металлический звук, который слышала мисс Стонер, очевидно, был причинен поспешно захлопнутой дверцей шкафа за ужасной жилищей его. Решив все это про себя, вы знаете, что я сделал, чтобы проверить свои предположения. Услышав шипение змеи, что без сомнения, слышали и вы, я сейчас же засветил огонь и напал на нее.

– И этим заставили ее вернуться назад, в вентиляцию.

– Да, и кроме того заставил напасть на ее господина в другой комнате. Несколько ударов трости достигли цели и раздражили гадюку, она напала на первого человека, которого увидела. Я, конечно, косвенно виноват в смерти доктора Граймсби Ройлота, но не могу сказать, что это сознание тяготит мою совесть.

Союз рыжих

Это было прошлой осенью: я зашел к своему другу, мистеру Шерлоку Холмсу, и застал его за оживленным разговором с очень полным пожилым джентльменом с покрасневшим лицом и огненно-рыжими волосами. Извинившись за вторжение, я собирался уйти, но Холмс вытащил меня в комнату и закрыл дверь.

– Вы пришли в самое подходящее время, дорогой Ватсон, – искренне произнес он.

– Я вижу, что вы заняты и не хотел мешать.

– Да, я занят, очень занят.

– Тогда я могу подождать в другой комнате.

– Наоборот! – он повернулся к гостю. – Мистер Вилсон, этот джентльмен был моим напарником и помощником во многих успешных делах. Я уверен, что и в вашем деле он будет весьма полезен.

Толстяк привстал и кивнул, изучая меня при этом своими маленькими, заплывшими жиром, глазами.

– Располагайтесь на диване, – сказал Холмс. Сам он устроился в кресле поудобнее. – Я знаю, Ватсон, что вы разделяете мою любовь к загадкам и странностям, ко всему, что вносит разнообразие в ход привычных вещей повседневной жизни. Свою страсть вы проявили в литературных записках, за которые взялись с особым рвением. Но, прошу меня простить, в них вы частенько приукрашаете наши маленькие приключения.

– Возможно, я слишком увлекаюсь, когда описываю ваши расследования, – пробормотал я.

– А помните, на днях мы обсуждали дело мисс Мэри Сазерленд, и я заметил, что жизнь всегда интереснее литературы. Даже самое искрометное воображение писателя не способно сочинить настолько интересную историю, как... Да вот хотя бы история Джэбза Вилсона. Честно скажу, за всю жизнь я не слышал ничего подобного. Мистер Вилсон, окажите любезность – расскажите все с самого начала. Не только потому, что мой друг, доктор Ватсон, не слышал вступительную часть, но и мне бы хотелось заново услышать некоторые детали из ваших уст. Ваша история настолько не похожа на все, что я привык выслушивать, что вызывает особый интерес. Факты, о которых вы поведали, поистине уникальны!

Толстячок надулся от гордости, но не сказал ни слова. Он вытащил из внутреннего кармана пальто измятую газету, разложил ее на коленях и начал внимательно изучать колонку с объявлениями. Я с любопытством разглядывал этого человека, стараясь сделать выводы о роде его занятий по одежде или внешнему виду. Мой друг прочел бы незнакомца как открытую книгу, я же не слишком преуспел. Мистер Вилсон имел все признаки обычного заурядного британского торговца, тучного, напыщенного и медлительного. На нем были мешковатые клетчатые брюки, давно нечищенный черный сюртук, расстегнутый спереди. Из жилетного кармашка свисала тяжелая медная цепочка со странным брелоком в виде просверленной квадратной бляхи. На стуле рядом с ним лежали потрепанный цилиндр и выцветшее коричневое пальто с мятым бархатным воротником. Я вздохнул, признавая, что в этом человеке нет ничего примечательного, кроме копны волос, напоминающих пламя костра, и выражения крайнего огорчения и недовольства на его лице.

Холмс заметил мою досаду и улыбнулся:

– Вы правы, Ватсон. О нашем госте и сказать-то почти нечего. Помимо того, что мистер Вилсон когда-то занимался тяжелым физическим трудом, что он нюхает табак, что он масон, что он побывал в Китае и что в последнее время он много писал, я не могу сделать никаких выводов.

Джэбез Вилсон выпрямился в кресле, придавив газету указательным пальцем, чтобы не соскользнула, и выпучил глаза от удивления:

– Как же вы все это узнали, мистер Холмс? – воскликнул он. – Это так же верно, как Евангелие! Я действительно, в юности, работал плотником на корабле, но мало кому известно...

– Ваши руки раскрыли мне этот секрет, – перебил Холмс. – Мускулы на правой руке развиты гораздо сильнее.

– А насчет табака и масонства?

– Не стану оскорблять ваш интеллект, рассказывая, как я узнал про табак. С масонством еще легче: вы, вопреки строгим правилам вашего ордена, носите символы циркуля и наугольника на булавке для галстука.

– Ах, конечно, я забыл об этом. Но как вы поняли, что я много пишу?

– На что еще может указывать ваша правая манжета? Она лоснится, в отличие от левой. Зато слева ваш рукав потерт в районе локтя, там, где вы кладете руку на стол.

– Ну, а Китай? Я ведь и вправду там был!

– Это подсказала рыбка, которую вы накололи на запястье. Трюк с окрашиванием чешуи в нежно-розовый цвет характерен для Китая.

Я, знаете ли, провел большое исследование татуировок и даже написал монографию... Впрочем, и без рисунка на теле можно было догадаться. Достаточно было увидеть китайскую монету на цепочке ваших часов,

– Ну и дела, – рассмеялся мистер Вилсон. – Когда вы объясняете, все кажется таким простым!

– В этом я допустил ошибку, – усмехнулся Холмс.

– Нет-нет, вы точно угадали.

– Да, но не зря же древние римляне говорили: все необъяснимое кажется величественным! Возможно, я ошибаюсь, так подробно объясняя свои наблюдения. Моя репутация потерпит кораблекрушение, если я буду так откровенен с клиентами, – мой друг снова улыбнулся, он явно пребывал в отличном настроении. – Вы нашли нужное объявление, мистер Вилсон?

– Вот оно, – ответил он, тыча толстым пальцем в помятый лист. – С этого все началось. Прочтите сами, сэр.

Я взял у него газету и прочитал следующее:

«К Союзу рыжих: по завещанию покойного Иезекии Хопкинса из Ливана, штат Пенсильвания, США, теперь открыта еще одна вакансия. Она дает члену Союза право на зарплату – четыре фунта в неделю исключительно за номинальные услуги. Приглашаются рыжеволосые мужчины, здоровые телом и духом, старше двадцати одного года. Вас ждут в понедельник, в одиннадцать часов, в конторе Союза, Папский двор, 7, Флит-стрит, Лондон. Спросить Дункана Росса».

– Что, черт возьми, это означает? – пробормотал я, после того, как дважды прочитал необычное объявление.

Холмс хихикал и ерзал в кресле, как обычно в приподнятом настроении.

– Согласитесь, мой друг, это немного в стороне от проторенных дорог, не так ли? – сказал он. – А теперь, мистер Вилсон, приступайте к делу и расскажите нам все о себе, своем доме и о том, как это объявление повлияло на ваше состояние за прошедшие... Проверьте, Ватсон, когда напечатали объявление?

– Так... Это «Монинг кроникл» от 27 апреля 1890 года. Выходит, два месяца назад.

– Очень хорошо. Теперь вы, мистер Вилсон.

– Так я же вам уже говорил, мистер Холмс, – Джэбез Вилсон нервным жестом вытер пот со лба. – У меня небольшой ломбард на площади Саксен-Кобург, недалеко от Сити. Крохотное дело, и в последние годы я с трудом свожу концы с концами. Раньше у меня было два помощ-

ника, но теперь я держу только одного. У меня и на этого олуха денег не хватает, но он готов трудиться за половину жалования, лишь бы научиться нашему делу.

– Как зовут этого услужливого юношу? – уточнил Шерлок Холмс.

– Винсент Сполдинг, и он не такой уж юный. Впрочем, его возраст определить трудно. Но более умелого помощника не найти, мистер Холмс. Уверен, что он мог бы найти работу получше и получать вдвое больше, чем я в состоянии ему дать. Но, в конце концов, если он доволен местом, а я доволен его сноровкой, зачем забивать Винсенту голову столь опасными идеями?

– Действительно, зачем? – кивнул Холмс. – Кажется, вам повезло с сотрудником. Расторопный, бескорыстный... Пожалуй, он даже интереснее, чем пресловутое объявление.

– О, у него тоже есть недостатки, – отмахнулся мистер Вилсон. – С недавних пор Винсент увлекся фотографией. Вечно щелкает своим аппаратом, а затем ныряет в подвал, как кролик в нору, чтобы проявить фотографии. Но в остальном он безупречный работник.

– Полагаю, он живет в вашем доме?

– Да, сэр. Он и четырнадцатилетняя девочка, которая готовит простые блюда и поддерживает чистоту – это все обитатели. Сам я вдовец, детей не нажил. Слава богу, есть крыша над головой и мелочь, чтобы платить по счетам. Я жил спокойно и тихо, но восемь недель назад Сполдинг заявился в контору с этой самой газетой в руке, и говорит:

«Какая жалость, мистер Вилсон, что я не родился рыжеволосым».

«Почему это?» – спрашиваю я.

«Почему? Да сами взгляните. В Союзе рыжих открыли новую вакансию. Она стоит немалого состояния для любого человека, который ее получит. Я так понимаю, что вакансий больше, чем претендентов, и попечители в полном недоумении, что делать с деньгами. Если бы мои волосы изменили цвет, Я бы со всех ног поспешил на Флит-стрит»

«С чего бы вдруг?» – спросил я. Видите ли, мистер Холмс, я стараюсь не выходить из дома без крайней необходимости. Мое дело не требует беготни по Лондону, а потому я мало что знаю о том, что происходит снаружи.

«Вы никогда не слышали о Союзе рыжих?» – спросил он, выпучив глаза.

«Никогда».

«Удивительно! Ведь вы имеете полное право на одну из вакансий!»

«А чего они стоят?» – спросил я.

«О, всего пару сотен в год, но работа небольшая, и она не должна сильно мешать другим занятиям».

Конечно, это заинтересовало меня, потому что дела мои шли из рук вон плохо, и такая куча денег спасла бы меня от разорения. Пара сотен фунтов, а?!

«Расскажи мне все об этом Союзе», – потребовал я.

«А чего тут рассказывать? Вы сами видите, – он протянул газету с объявлением, – что в Союзе открылась вакансия, и есть адрес, по которому вы должны подать заявку. Насколько мне известно, Союз этот был основан американским миллионером, который был большой чудаком. Он оставил огромное состояние в руках попечителей с указанием тратить проценты на облегчение жизни всех желающих мужчин, с такими же волосами как у него. А он был огненно-рыжим».

«Но в мире полно рыжеволосых, – сказал я. – Наверняка на каждую вакансию претендуют миллионы мужчин».

«Не так много, как вы думаете, – ответил он. – Видите ли, пока в Союз приглашают только лондонцев. Этот американец сколотил свое состояние здесь, когда был молод, и потому решил отплатить добром старому городу. К тому же, в приоритете огненно-рыжие мужчины, вроде вас. Светло-соломенным или темно-каштановым бесполезно обивать пороги, их в Союз

не примут. Но вы подходите идеально, мистер Вилсон. Но, возможно, и вправду не стоит тратить время на то, чтобы заработать всего пару сотен фунтов».

Вы сами видите, джентльмены, что мои волосы очень густые и цвет их особо-яркий, поэтому я решил, что, если грянет некое соревнование, то у меня есть отличный шанс на победу. Винсент Сполдинг знал об этом Союзе достаточно, а потому мог оказаться полезным, поэтому я взял его с собой. Мы закрыли ставни ломбарда и отправились по адресу, указанному в объявлении. На Флит-стрит толпились сотни человек с волосами всех оттенков рыжего: оранжевые, как апельсины, красные, как кирпич, палевые, как ирландские сеттеры. Два потока людей двигались навстречу друг другу – те, что шли в Союз рыжих, лучились надеждой и предвкушением, а те, что возвращались обратно, уныло опускали головы. Увидев такую толпу претендентов я, признаться, оробел и хотел уже повернуть назад, но Сполдинг подталкивал меня и постоянно повторял, что нигде поблизости нет ни одного столь яркого костра, как у меня на макушке. В конце концов, он вселил в меня уверенность. Мы вклинились в строй претендентов и вскоре оказались в конторе.

– Отменная история, – заметил Холмс, когда его клиент сделал паузу и освежил свою память понюшкой табака. – Прошу вас, продолжайте.

– В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и столика для переговоров, за которым сидел невысокий мужчина с головой, пожалуй, даже краснее моей.

«Это мистер Джэбез Вилсон, – представил меня помощник, – и он готов заполнить заявление на вакансию».

«И он превосходно подходит! – воскликнул хозяин конторы. – Право, мистер Вилсон, не могу припомнить, чтобы я видел что-нибудь настолько прекрасное».

Он сделал шаг назад, склонил голову набок и смотрел на мои волосы, пока я не покраснел от смущения. Затем он внезапно бросился вперед, сжал мою руку и тепло поздравил с успехом.

«Я бы отдал вам эту должность без колебаний, – сказал он. – Однако я уверен, что вы извините меня за принятие очевидных мер предосторожности».

С этими словами он схватил меня за волосы обеими руками и дергал, пока я не закричал от боли.

«Простите, мистер Вилсон, – сказал он, отпуская меня. – Приходится, знаете ли, быть осторожными. Нас дважды обманули париками и один раз – краской... Но теперь я убежден, что все в порядке».

Он подошел к окну и во весь голос прокричал, что кандидат на вакансию найден. Снизу донесся стон разочарования, и народ разошелся в разные стороны. Вскоре на Флит-стрит остались лишь две рыжие головы – моя и моего нанимателя.

«Меня зовут, – сказал он, – мистер Дункан Росс, и я тоже получаю деньги из фонда, оставленного нашим благородным благодетелем. Вы женаты, мистер Вилсон? У вас есть семья?»

Я ответил, что нет. Его лицо выразило глубокую печаль.

«Боже мой!» – сказал он серьезно, – «Мне жаль слышать это, сэр. Союз рыжих, в первую очередь, заботится о появлении достойного потомства у его участников, и обеспечения их безбедной жизни. Мистер Хопкинс мечтал, чтобы число истинно-рыжих людей год от года увеличивалось... Очень жаль, сэр, но мы не можем отдать эту вакансию холостяку».

Мое лицо вытянулось при этом, мистер Холмс, потому что я уже обрадовался и, чего греха таить, мысленно потратил все причитающееся мне жалование. Дункан Росс мерил шагами комнату, поглядывая то не меня, то за окно, где совсем недавно шевелилось море рыжих голов... Подумав несколько минут, он сказал:

«Ладно, сделаем исключение. Поверьте, любому другому холостяку я немедленно указал бы на дверь, но человеку с такой шевелюрой, как ваша, отказать невозможно... К тому же, кто знает... Возможно, заработанные у нас деньги, подвигнут вас к женитьбе и появлению наслед-

ников, не так ли? Решено, это место ваше. Когда вы сможете приступить к своим обязанностям?»

«Даже не знаю... Видите ли, у меня уже есть дело», – сказал я.

«Ой, не беспокойтесь об этом, мистер Вилсон! – сказал Винсент Сполдинг. – Я смогу позаботиться о ломбарде».

«В какие часы мне требуется быть здесь?» – уточнил я у Росса.

«С десяти до двух».

Я тут же согласился. Видите ли, мистер Холмс, ломбард, в основном, загружен работой по вечерам, особенно в четверг и пятницу, накануне выплаты жалования. Так что по утрам я был относительно свободен и мог позволить себе заработать пару фунтов. Кроме того, я знал, что мой помощник – надежный человек, который позаботится обо всем, что бы ни случилось.

«Это меня устроит, – сказал я. – Какое жалование вы мне положите?»

«Четыре фунта в неделю» – ответил Росс.

«А работа?»

«Чисто номинальная».

«Что вы имеете в виду?»

«Вы должны быть в этой конторе или, по крайней мере, в здании, все время. Если уйдете, ты потеряете должность навсегда. Никакие оправдания не помогут, – ни болезнь, ни срочное дело, ни что-либо еще. Вы должны всегда быть на месте, иначе потеряете работу».

«Но что же мне делать все это время? Я не могу сидеть просто так».

«Не можете? Ну, тогда переписывайте «Британскую энциклопедию». Вот, возьмите первый том. Приносите собственные чернила, перья и промокательную бумагу, но мы предоставим этот стол и стул».

«Ладно, – согласился я. – Когда прикажете приступить?»

«Завтра, – сказал мистер Росс. – Вы готовы начать завтра?»

«Конечно».

«Тогда прощайте, мистер Джэбез Вилсон, и позвольте мне еще раз поздравить вас с тем важным положением, которое вам посчастливилось занять».

Он выпроводил нас с помощником из комнаты, и мы пошли домой. Я был весьма доволен своей удачей и думал об этом весь день, но к вечеру возникли сомнения. А вдруг это дело окажется огромной мистификацией или мошенничеством? Хотя я не мог вообразить, какова цель у мошенников, просто мне совершенно не верилось, что кто-то может составить такое завещание или что кто-то заплатит четыре фунта в неделю за что-то настолько простое, как переписывание «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг делал все, что мог, чтобы подбодрить меня, но спать я лег в прескверном настроении. Однако утром я решил, что выполню условия Союза рыжих, купил на пенни склянку чернил, несколько гусиных перьев и семь листов бумаги, после чего отправился на Флит-стрит.

К моему удивлению и радости, все было как можно лучше. Мистер Дункан Росс встретил меня с распростертыми объятиями. Он раскрыл том на букве А, и затем оставил меня, но время от времени заходил, чтобы убедиться, что со мной все в порядке. В два часа он пожелал мне доброго дня, похвалил меня за красивый почерк, и запер дверь конторы.

Это продолжалось день за днем, мистер Холмс, и в субботу мистер Росс выдал мне четыре золотых соверена за недельную работу. То же самое было на следующей неделе, и то же самое на следующей неделе. Каждое утро я был там ровно в десять, а каждый день уходил в два. Постепенно мистер Дункан Росс стал приходить только один раз за утро, а затем, через некоторое время, и вовсе не приходил. Но я не отважился выйти из комнаты даже на мгновение. Вдруг мистер Росс неожиданно вернется и не застанет меня на месте? А работенка была такая хорошая и так мне подходила, что я не рискнул бы ее потерять.

Так прошли восемь недель. Я переписывал статьи об Аббатах, об Арчерах и Артиллерии, об Архитектуре и Аттике, и уже надеялся, что скоро смогу добраться до буквы Б. Я почти заполнил полку исписанной бумагой, но внезапно все закончилось.

– Закончилось? – встрепнулся Холмс.

– Да, сэр. Аккурат, сегодня утром. Я пришел на работу, как обычно, в десять часов, но дверь была заперта, а к ней пришпилено объявление. Вот оно, вы можете прочитать сами.

Мистер Вилсон протянул небольшой кусок белого картона с надписью: «Союз рыжих распался. 9 октября 1890 года».

Мы с Шерлоком Холмсом изучали это краткое объявление и грустное лицо нашего гостя, но вскоре комическая сторона дела перевесила, и мы оба разразились хохотом.

– Не вижу ничего смешного! – воскликнул наш клиент, вспыхивая до корней своей пылающей шевелюры. – Если вы не можете придумать ничего лучше, чем смеяться надо мной, то я поищу помощи где-нибудь еще.

– Нет, нет, – Холмс толкнул его обратно в кресло. – Я бы не хотел отказываться от расследования вашего случая. Он очень необычный. Но есть в нем, извините за мои слова, что-то забавное... Расскажите, какие шаги вы предприняли, когда нашли эту карточку на двери?

– Я был поражен, сэр. Я не знал, что делать. Я обошел соседние конторы, но никто из них, похоже, ничего не знал о мистере Россе. Наконец, я пошел к домовладельцу и спросил, может ли он рассказать мне, что случилось с Союзом рыжих. Он сказал, что никогда о таком не слышал.

«Как же так? Они ведь арендовали у вас комнату под четвертым номером».

«А, тот рыжий человек... Вы говорите, его фамилия Росс?»

«Да»

«Мне это джентльмен представился Уильямом Моррисом, – сказал он. – Он был адвокатом и снимал здесь временное пристанище, пока ремонтировали его новое помещение. Он съехал вчера».

«Где его найти?»

«Он оставил мне адрес, да. Дом 17 по Кинг-Эдуард-стрит. Это недалеко от собора Святого Павла».

Я пришел по этому адресу, мистер Холмс, но обнаружил там фабрику искусственных коленных чашечек. Никто из ее работников никогда не слышал ни о мистере Уильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

– И что вы сделали дальше? – спросил Холмс.

– Пошел домой. Спросил совета у своего помощника. Но Винсент ничем не мог мне помочь. Он высказал мысль, что возможно, объяснения пришлют мне по почте, но мне этого мало, мистер Холмс. Мне обидно потерять такое место без борьбы! Я слышал, что вы достаточно хороши, чтобы давать советы людям, которые в них нуждаются, поэтому сразу же поспешил к вам.

– И вы поступили мудро, – сказал Холмс. – Этот случай чрезвычайно примечателен, и я буду счастлив изучить его. Судя по тому, что вы мне рассказали, здесь возможны более серьезные проблемы, чем может показаться на первый взгляд.

– Более серьезные?! – возмутился мистер Джэбез Вилсон. – Вам мало того, что я потерял четыре фунта в неделю?!

– Что касается вас лично, – заметил Холмс, – не вижу причин быть недовольным Союзом рыжих. Насколько я понимаю, благодаря этому Союзу вы уже стали богаче примерно на тридцать фунтов, не говоря уже об энциклопедических знаниях, которые вы получили по каждому предмету, записанному под буквой А. Вы ничего не потеряли из-за них.

– Нет, сэр. Но я хочу узнать, кто они такие, и какова цель их дурацкой шутки. Это была довольно дорогая шутка, потому что она стоила им тридцать два фунта.

– Мы постараемся прояснить для вас эти моменты. Но прежде позвольте пару вопросов, мистер Вилсон. Этот ваш помощник, Сполдинг... Это ведь он первым привлек ваше внимание к объявлению? Как долго он работал у вас на тот момент?

– На тот момент? Пожалуй, около месяца.

– Как вы его наняли?

– Он пришел по объявлению.

– И был единственным претендентом?

– Нет, претендентов была целая дюжина.

– Почему же вы выбрали именно Сполдинга?

– Так я же объяснял в самом начале: он согласился работать за половину жалования.

– И это было его единственное преимущество перед остальными.

– Да, единственное. Но для меня существенное, ведь я уже говорил, что дела шли неважно...

– Да, да, я помню, – перебил Холмс. – Что он за человек, этот Винсент Сполдинг?

– Невысокий, крепкого телосложения, очень шустрый... Не замечал, чтобы он брился, хотя ему не меньше тридцати. А, вот еще что! У него на лбу белое пятно от кислоты.

Холмс выпрямился в кресле, не скрывая сильного волнения.

– Вы когда-нибудь замечали, что у Сполдинга проколоты уши?

– Да, сэр. Он сказал мне, что когда был мальчишкой, уши ему проколол один бродячий цыган.

– Этот человек все еще живет у вас? – спросил Холмс.

– Да, сэр. Куда же он денется? Я вот только что оставил Винсента в ломбарде.

– Он хорошо приглядывал за ломбардом в ваше отсутствие?

– Не на что жаловаться, мистер Холмс. Но ведь я уже объяснял вам, что по утрам к нам почти никто не заходит, все больше вечером...

– Достаточно, мистер Вилсон. Я должен поразмышлять и навести справки. Это займет день, от силы два. Сегодня суббота, а значит, к понедельнику мы сможем завершить расследование.

– Ну, Ватсон, – спросил Холмс, когда наш посетитель попрощался и вышел из комнаты, – что вы обо всем этом думаете?

– Вообще ничего не понимаю, – откровенно ответил я. – Это самое загадочное дело, с которым мы сталкивались. Ну, ведь не может же это быть шуткой, в самом деле...

– Как правило, – заметил Холмс, – чем более странным кажется случай, тем менее загадочным он оказывается на поверку. И наоборот: банальные, невыразительные преступления – вот, что по-настоящему озадачивает. Подобрать ключ к их разгадке так же сложно, как найти в толпе человека с самыми заурядными чертами лица и без особых примет.

– Что же вы собираетесь делать? – спросил я.

– Курить, – ответил он. – Это дело можно разгадать за три трубки. Прошу вас не разговаривать со мной в течение часа.

Он свернулся калачиком в кресле, подтянув тонкие колени к своему ястребиному носу, и сидел с закрытыми глазами, а его черная глиняная трубка торчала наружу, как клюв какой-то странной птицы. Спустя какое-то время я решил, что Холмс заснул, но внезапно он вскочил со стула и положил трубку на каминную полку.

– Сарасате сегодня днем играет в Сент-Джеймс-холле, – сказал он, как бы невзначай. – Как вы думаете, Ватсон, ваши пациенты смогут прожить без вашего внимания несколько часов?

– У меня нет неотложных дел. Да и практика моя, сказать по правде, не настолько увлекательна...

– Тогда наденьте шляпу и немедленно отправляемся. Перекусим по дороге на концерт. Знаете, в программе много немецкой музыки, она мне больше по вкусу, чем итальянская или французская. Немецкие композиторы более глубокомысленны, не находите? А мне как раз нужно погрузиться в размышления.

Мы проехали на метро до Олдерстейт-стрит. Далее короткая прогулка привела нас к площади Саксен-Кобург, месту необычной истории, которую мы слушали утром. Это было убогое и обшарпанное местечко, где четыре ряда грязных двухэтажных кирпичных домов смыкались вокруг небольшого сквера. Лужайка заросла сорной травой и лишь несколько кустов выцветшего лавра продолжали бороться за место под солнцем. Три позолоченных шара и коричневая вывеска с белыми буквами «ДЖЭБЕЗ ВИЛСОН» на угловом доме обозначали место, где наш рыжий клиент вел свои дела. Шерлок Холмс остановился перед ломбардом, склонив голову набок, и внимательно все осмотрел. Затем он медленно прошел вдоль по улице, и снова вернулся к углу, пристально разглядывая дома. Наконец он вернулся к ломбарду и сильно ударил тростью по тротуару, два или три раза. Только после этого Холмс подошел к двери и постучал. Дверь тут же открыл привлекательный молодой человек, который предложил ему войти.

– Нет, благодарю, – ответил Холмс, – я лишь хотел спросить вас, как пройти отсюда к Стрэнду.

– На третьем перекрестке сверните направо, потом на четвертом – налево, – быстро ответил помощник и захлопнул дверь.

– Умный парень, – заметил Холмс, когда мы уходили. – Он, по моему мнению, четвертый умнейший человек в Лондоне, и, судя по смелости и дерзости, претендует на звание третьего. Я кое-что знал о нем раньше.

– Очевидно, – сказал я, – помощник мистера Вилсона имеет отношение к этой загадке с Союзом рыжих. Я уверен, что вы спросили, как пройти к Стрэнду, только для того, чтобы посмотреть на этого Сполдинга.

– Не на него, – улыбнулся Холмс.

– На что же тогда?

– На его брюки.

– И что же вы увидели?

– То, что ожидал увидеть.

– А почему вы стучали по тротуару?

– Мой дорогой Ватсон, это время для наблюдений, а не для разговоров. Мы шпионы во вражеской стране. Мы уже кое-что знаем о площади Саксен-Кобург. Давайте теперь заглянем на другую сторону.

Мы свернули за угол и увидели совсем другую картину. Точнее, эта сторона была роскошной картиной, а захудалая Саксен-Кобург лишь неприглядной изнанкой. Одна из главных улиц Лондона, соединяющая Сити с северо-западом, была забита дорогими экипажами, а по тротуарам спешили сотни богато одетых джентльменов. Я смотрел на магазины с позолоченными вывесками и никак не мог поверить, что всего в нескольких шагах отсюда на убогой площади растут чахлые сорняки.

– Дайте-ка осмотреться, – пробормотал Холмс, стоя на углу. – Я хотел бы запомнить точный порядок домов. Изучать Лондон – мое увлечение, вы знаете. Итак, что мы видим. Табачная лавка Мортимера, за ней небольшой книжный магазин, потом Кобургское отделение городского и пригородного банка, далее вегетарианский ресторан и – что там? Ах да, «Кареты Макферлейна». Что ж, дорогой Ватсон, мы закончили нашу работу. Предлагаю съесть по сэндвичу, выпить по чашке кофе, а потом мы отправимся в страну скрипок, где ждут сладкие звуки и гармония, куда заказан вход рыжеволосым клиентам, досаждающим нас своими загадками.

Мой друг был музыкантом-энтузиастом, не только очень способным исполнителем, но и незаурядным композитором. Весь вечер он просидел в партере, окутанный самым совершен-

ным счастьем, размахивая длинными тонкими пальцами в такт музыке, в то время как его улыбающееся лицо и томные мечтательные глаза были так непохожи на глаза Холмса-сыщика, Холмса-охотника – безжалостного, остроумного, готового к схватке с преступниками в любое мгновение. В уникальном характере моего друга поочередно проявлялась двойственная природа, а его невероятная проницательность была, как я часто думал, реакцией на поэтическое и созерцательное настроение, которое иногда преобладало в нем. Колебания характера приводили Холмса от полной расслабленности к вспышкам бешеной энергии. Он никогда не был таким деятельным и опасным, как в дни беспробудного безделья, которые он коротал в своем кресле, среди скрипичных импровизаций и пачек свежих газет. За всем этим видимым спокойствием скрывались искрометный азарт и страстное желание погони за диким зверем, а блестящая способность рассуждать поднималась до невероятных высот. Я смотрел на Холмса, растворяющегося в музыке в Сент-Джеймс-холле, и понимал, что охота началась и тот, по чьему следу устремился сыщик, обречен проиграть.

– Вы, несомненно, хотите пойти домой, доктор, – заметил он, когда мы вышли из зала.

– Конечно. А вы разве нет? – удивился я.

– У меня есть дела, которые займут несколько часов. Это дело на площади Саксен-Кобург сулит большие неприятности. Там готовится серьезное преступление. У меня есть все основания полагать, что мы успеем остановить злодея, но сегодня суббота и это несколько усложняет ситуацию. Думаю, позднее вечером мне понадобится ваша помощь. Скажем, часов в десять.

– Хорошо, я буду на Бейкер-стрит в десять.

– Прекрасно! Но дело нас ждет опасное, поэтому не забудьте зарядить свой армейский револьвер.

Он махнул рукой, повернулся на каблуках и растворился в толпе прохожих.

Никогда не считал себя глупее прочих, но в присутствии Холмса меня буквально угнетает ощущение собственной глупости. Я слышал то же, что и он, видел то же, что и он, и все же Холмс уже сообразил, что именно произошло и что произойдет дальше, в то время как для меня это дело было совершенно запутанным. По дороге домой в Кенсингтон я снова и снова вспоминал необычную историю рыжего переписчика «Британской энциклопедии» и наш визит на площадь Саксен-Кобург. Но даже представить не мог, что за экспедиция нас ждет и зачем мне вооружаться? Я получил намек от Холмса, что этот гладколицый помощник владельца ломбарда – человек опасный, но это не приблизило меня к разгадке ни на йоту.

В четверть десятого я выехал из дома и направился через парк, а затем через Оксфорд-стрит на Бейкер-стрит. У дверей стояли два кэба, и когда я вошел в коридор, то услышал голоса. Войдя в гостиную, я обнаружил, что Холмс оживленно беседует с двумя мужчинами, в одном из которых я узнал Питера Джонса, полицейского агента. Другой был длинным, худым человеком с грустным лицом, в блестящей шляпе и угнетающе-респектабельном сюртуке.

– Ха! Пора начинать вечеринку, – сказал Холмс, застегивая куртку и снимая с вешалки тяжелый охотничий хлыст. – Ватсон, вы знакомы с мистером Джонсом из Скотланд-Ярда? Позвольте представить вам мистера Мерривезера, который будет нашим спутником в сегодняшнем приключении.

– Вот видите, доктор, мы снова охотимся вместе с Холмсом, – сказал Джонс снисходительно. – Он замечательный человек, но без старой ишейки эту погоню не осилит.

– Главное, чтобы вы не гонялись за собственным хвостом, – мрачно заметил мистер Мерривезер.

– Вы можете в значительной степени доверять мистеру Холмсу, сэр, – высокомерно сказал полицейский. – У него есть свои методы, в которых, на мой взгляд, слишком много фантазии. Но в нем есть задатки детектива. Иной раз, как, например, в деле о сокровищах Агры, Холмс доказывал свою правоту там, где полиция ошибалась.

– О, если вы так говорите, мистер Джонс, то все в порядке! – сказал незнакомец, с почтением. – Тем не менее, я признаюсь, что скучаю по карточному клубу. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, который я провожу не за зеленым сукном.

– Я думаю, – сказал Шерлок Холмс, – что сегодня вы сыграете с самыми высокими ставками, чем когда-либо, и что игра эта будет более захватывающей, чем ваш привычный роббер. Для вас, мистер Мерривезер, ставка равняется тридцати тысячам фунтов, а ваша ставка, мистер Джонс, – человек, которого вы давно хотите упрятать за решетку.

– Джон Клей, убийца, вор и фальшивомонетчик, – кивнул полицейский. – Не смотрите, что он молод, мистер Мерривезер, этот негодяй – один из самых коварных преступников. Его дед был герцогом, а сам он учился в Итоне и Оксфорде. Его мозг так же быстр и ловок, как и его пальцы. Мы встречаем следы Джона Клея то здесь, то там, но поймать его не сумели ни разу. Этот мерзавец постоянно меняет тактику. Сегодня провернет кражу со взломом в Шотландии, а на следующей неделе умыкнут деньги на строительство приюта в Корнуолле. Я гоняюсь за ним уже много лет, но никогда не видел его!

– Я познакомлю вас сегодня же вечером, – пообещал Холмс. – У меня тоже была одна или две небольших встречи с мистером Джоном Клеем, и я согласен с вами, мистер Джонс: это очень изобретательный преступник. Нам пора ехать, господа. Вы двое берите первый кэб, а мы с Ватсоном последуем за вами.

Шерлок Холмс не прибавил ни слова. Во время долгой поездки он насвистывал мелодии, которые слышал на концерте. Мы пробирались через бесконечный лабиринт лондонских улиц, пока не вышли на Фаррингдон-стрит.

– Мы уже близко, – заметил мой друг. – Самое время объяснить вам кое-что. Мистер Мерривезер – директор банка и лично заинтересован в этом деле. Но для того, чтобы заинтересовать его, пришлось подключить Джонса. Впрочем, я рад, что он с нами. Он храбрый, как бульдог, хотя и абсолютный идиот в своей профессии... Ну, вот мы и на месте.

Мы оказались на той же многолюдной улице, где были днем. Кэбы уехали, и мы, следуя указаниям мистера Мерривезера, прошли по узкому проходу и вошли в банк через боковую дверь, которую он открыл собственным ключом. Внутри был небольшой коридор, который заканчивался массивными железными створками. Директор банка открыл и их, после чего мы спустились в подвал по каменным ступеням извилистой лестницы. Мистер Мерривезер остановился, чтобы зажечь фонарь, а затем провел нас по пахнущему землей коридору к еще одной стальной двери, ведущей в огромное хранилище, сплошь заставленное массивными ящиками.

– Сверху вы не очень уязвимы, – заметил Холмс, поднимая фонарь и осматривая каменную кладку.

– Снизу тоже, – сказал мистер Мерривезер, ударяя палкой по плите на полу. – Боже мой, звук такой. Будто под ней – пустота, – воскликнул он удивленно.

– Я должен попросить вас вести себя тихо, – строго сказал Холмс. – Иначе вы поставите под угрозу весь успех нашей экспедиции. Могу я попросить вас проявить доброту, чтобы сесть на один из этих ящиков и не мешать?

Мистер Мерривезер сел на ящик с оскорбленным выражением лица, в то время как Холмс упал на колени и стал внимательно осматривать трещины между плитами пола, подсвечивая себе фонарем. Через несколько минут он снова вскочил на ноги.

– У нас впереди, по крайней мере, час, – сказал он. – Едва ли грабители отважатся начинать, пока почтенный хозяин ломбарда не уснет. Тогда они поспешат сюда, потому что чем раньше они проникнут сюда, тем больше времени останется, чтобы скрыться и замести следы... Ватсон, вы несомненно догадались, что в настоящее время мы находимся в подвале городского отделения одного из главных лондонских банков. Мистер Мерривезер объяснит, что есть причины, по которым самые дерзкие преступники Лондона проявляют особый интерес к этому подвалу.

– Все из-за французского золота, – прошептал директор. – Нас предупреждали, причем неоднократно, что его захотят украсть.

– Французское золото? – удивился я.

– Да. Полгода назад нам потребовалось укрепить свои фонды, и мы заняли для этой цели тридцать тысяч золотых наполеонов в Банке Франции. Пока их везли из Парижа, необходимость в средствах отпала, и мы даже не стали распаковывать золото. Ящик, на котором я сижу, содержит две тысячи наполеонов, уложенные столбиками между слоями свинцовой фольги. Наши запасы золота в настоящее время намного больше, чем обычно хранятся в одном отделении, поэтому я, как директор, был обеспокоен по этому поводу...

– Это беспокойство вполне оправдано, – кивнул Холмс. – Я ожидаю, что в течение часа дело достигнет критической точки. А пока, мистер Мерривезер, мы должны повесить чем-нибудь этот фонарь.

– И сидеть в темноте?

– Боюсь, что так. Я принес колоду карт, чтобы вы чувствовали себя как в любимом карточном клубе. Но теперь вижу, что приготовления Джона Клея зашли слишком далеко, и нам нельзя рисковать. Если они заметят хотя бы слабый свет – сбегут, только мы их и видели. Нет, фонарь мы затемним. Хорошо бы выбрать укрытие для каждого из нас. Грабители – люди отчаянные, когда мы захлопнем ловушку, они будут биться насмерть. Ватсон, спрячьтесь за этим ящиком, а вы, мистер Джонс, встаньте здесь. Как только я освещу бандитов – хватайте их. Если они вооружены, стреляйте не раздумывая!

Я положил револьвер с взведенным курком на верхнюю часть деревянного ящика, за которым прятался. Холмс затемнил фонарь и оставил нас в крошечном мраке. Запах нагретого металла дарил надежду, что свет все еще горит, готовый в любой момент осветить подземелье. Мои нервы были напряжены до предела, во внезапно наступившей тьме и в холодном сыром воздухе хранилища было что-то угнетающее.

– У них есть только один путь для отступления, – прошептал Холмс, – обратно через дом на площадь Саксен-Кобург. Я надеюсь, вы сделали то, о чем я просил, мистер Джонс?

– Да, инспектор и два констебля с пистолетами наготове дежурят у входной двери ломбарда.

– Тогда мы заткнули все дыры. А теперь нам остается ждать.

Время тянулось медленно. Прошел всего час с четвертью, но мне казалось, что ночь уже на исходе и скоро наступит рассвет. Мои ноги затекли и окоченели, так как я боялся сменить положение, зато мой слух обострился до предела. Я мог отличить глубокое и тяжелое дыхание инспектора Джонса от тонкого присвиста директора банка. Глаза привыкли к темноте, и со своего места я отчетливо видел кусок пола в середине хранилища. Внезапно, я уловил отблеск света.

Сначала это была всего лишь мимолетная искра между плитами. Затем она стала удлиняться и превратилась в желтую линию, а потом, без какого-либо предупреждения или звука, плита приподнялась, словно крышка люка, и в проеме появилась рука – белая, почти женская, которая ощупала камни. Затем рука исчезла так же внезапно, как и появилась, и подвал погрузился в темноту, лишь зловещая искра отмечала щель между плитами.

Однако пауза была кратковременной. С резким скрежетом одна из широких белых плит перевернулась набок, и оставила квадратную зияющую дыру, сквозь которую струился свет фонаря. Из проема показалось мальчишеское лицо, которое внимательно оглядывалось вокруг. Грабитель подтянулся на руках, вылез, упиравшись коленом в край отверстия. Через мгновение он протянул руку вниз и потащил собой товарища, гибкого и маленького, как он сам, с бледным лицом и копной ярко-рыжих волос.

– Порядок! – прошептал он. – Доставай мешки и зубила. Уж мы позабавимся... А, дьявольщина! Прыгай, Арчи, прыгай! Я не дамся им в руки!

Шерлок Холмс выскочил из укрытия и схватил злоумышленника за шиворот. Другой нырнул в яму, и я услышал звук рвущейся ткани. Свет вспыхнул на стволе револьвера, но охотничий хлыст Холмса ударил по запястью грабителя, и оружие упало на каменный пол.

– Бесполезно, Джон Клей, – спокойно сказал Холмс. – У вас нет шансов.

– Ясно, – ответил молодой человек с величайшим хладнокровием. – Кажется, что с моим приятелем все в порядке, хотя я вижу, что вы арестовали лоскут от его пиджака.

– У дверей ломбарда его ждут трое полицейских, – хмыкнул инспектор Джонс.

– В самом деле? Ну, значит, его сцапают. Примите комплименты, хвалю!

– А я могу похвалить вас, – ответил Холмс. – Идея с Союзом рыжих была оригинальной и эффективной.

– Скоро ты снова увидишь своего приятеля, в тюремной камере, – Джонс подошел поближе с наручниками. – Протяни руки, мозгляк.

– Прошу вас не трогать меня своими грязными руками, – заметил наш пленник, когда наручники лягнули на его запястьях. – Вы, возможно, не знаете, но в моих жилах течет королевская кровь. Поэтому, обращаясь ко мне, всегда говорите «сэр» и «пожалуйста».

– Хорошо, – хихикнул инспектор. – Пожалуйста, поднимитесь наверх, сэр! Там мы возьмем карету, достойную вашей светлости, чтобы поехать в полицейский участок?

– Так-то лучше, – безмятежно сказал Джон Клей. Он широко поклонился нам троим, и тихо ушел под охраной Джонса.

– Мистер Холмс, я не знаю, как банк может отблагодарить вас, – сказал мистер Мерри-везер, когда мы следовали за ними из подвала. – Нет сомнений в том, что вы обнаружили и пресекли дерзкую попытку ограбления банка!

– Я просто хотел свести счеты с мистером Джоном Клеем, – сказал Холмс. – Если хотите, то можете возместить небольшие расходы, которые я понес в связи с этим. Но главной наградой для меня является само расследование и занимательный рассказ о Союзе рыжих.

– Единственная цель Союза рыжих, как я понял с самого начала, заключалась в том, чтобы каждый день выгонять из дома хозяина ломбарда, – пояснил Холмс чуть позже, когда мы сидели на Бейкер-стрит, попивая виски. – Идея с переписыванием «Британской энциклопедии», конечно, весьма бредовая, но мистер Вилсон – человек не великого ума. К тому же четыре фунта в неделю! Солидные деньги. Поэтому он клюнул на эту приманку. Джон Клей проявил оригинальную фантазию и добился своего. Что ему четыре фунта, если он собирался украсть тысячи?! А идею с Союзом рыжих, наверняка, подсказал цвет волос Арчи, подельника Клея. Именно этот пройдоха назвался Россом, дал объявление в газету и снял контору на подставное имя.

– Вы сразу заподозрили нечистую игру, Холмс, – признал я. – Хотя у меня рассказ о Союзе рыжих вызвал только улыбку.

– Я заподозрил нечистую игру, когда узнал, что расторопный малый трудится в ломбарде за половину жалования. А уж когда узнал, что хозяина дома спровожают каждое утро... Здесь можно было бы предположить любовную интрижку, но в доме нет женщин. Дела в ломбарде идут ни шатко, ни валко – стало быть, там нечем поживиться. На какую же добычу нацелились преступники? Тут я вспомнил, что молодой помощник мистера Вилсона увлекается фотографией и часто запирается в погребе. Когда же, по описаниям, выяснилось, что это Джон Клей – один из самых хладнокровных преступников Лондона – все стало на свои места. Этот молодчик затеял подкоп! Но куда? Помните, я постучал перед ломбардом по мостовой? Таким образом, я хотел выяснить, куда ведет подкоп. Перед домом пустот не было, значит, остаются задворки. Мы вышли на улицу, я увидел вывеску банка, и головоломка была решена.

– Но зачем вы стучались в ломбард, Холмс?

– Когда спрашивал дорогу до Стрэнда?

– Да! Вы ведь могли спугнуть преступника.

– Нет, мой дорогой Ватсон. Я пару раз шел по следу Джона Клея, но мы не встречались. Он не знает меня, а я никогда не видел его лица. Да и в тот день смотрел не на лицо, а на брюки. Вы заметили, как грязны были его брюки? Грязны, протерты на коленях – этот негодяй копал землю, в том не было сомнения. Поэтому после концерта я направился в Скотланд-Ярд, к инспектору Джонсу, а он свел меня с директором банка. Дальнейшее вам известно.

– Но как вы узнали, что они предпримут попытку ограбления именно сегодня?

– Они распустили Союз рыжих. Это было признаком того, что их больше не заботит присутствие мистера Джэбеза Вилсона в доме. Другими словами, они завершили подкоп. Им было важно воспользоваться подземным ходом как можно скорее, иначе его могли обнаружить и перевезти золото в более надежное место. Суббота подошла бы им идеально. До понедельника в хранилище бы никто не зашел – зачем, ведь банк закрыт. А к понедельнику грабители уже успели бы уехать на континент и затеряться там навсегда.

– Восхищаюсь вашей логикой, Холмс, – воскликнул я. – Впрочем, как всегда. Вы построили прочную цепь рассуждений, в которой нет слабых звеньев.

– Это спасло меня от тоски, – ответил он, зевая. – Жаль, что ненадолго. Я уже чувствую, что она снова приближается. Вся жизнь тратится на то, чтобы вырваться из плена обыденности. Эти маленькие загадки помогают мне в этом.

– А вы помогаете людям! – воскликнул я.

Он пожал плечами.

– Ну, может быть, и от меня есть какая-то польза, – скромно заметил он. – Человек – ничто, дело – все! Кажется, так писал Гюстав Флобер Жорж Санд?

Пляшущие человечки

Холмс просидел в тишине много часов, склонившись над ретортой с химикатами, в которой он нагревал какую-то чудовищно-зловонную жидкость. Голова его была прижата к груди, и из кресла, в котором я читал газету, знаменитый сыщик казался нескладной птицей с тускло-серым оперением и черным хохолком на голове.

– Итак, Ватсон, – внезапно сказал он, – вы уже не хотите инвестировать в ценные бумаги Южной Африки?

Я вздрогнул от удивления. Несмотря на многолетнее общение с Холмсом, я все никак не привыкну к его любопытным способностям, и это внезапное вторжение в мои самые сокровенные мысли было необъяснимо.

– Откуда вы это знаете? – воскликнул я.

Он повернулся на стуле с дымящейся пробиркой в руке, и в глубоко посаженных глазах блеснули веселые искорки.

– А теперь, Ватсон, признайтесь, что вы совершенно опешили, – усмехнулся он.

– Совершенно.

– Я должен заставить вас подписать документ об этом.

– Что? Документ? Холмс, я никак не возьму в толк, что вы хотите сказать. И при чем тут какой-то документ?

– Потому что через пять минут вы скажете, что все это до абсурда просто, – снова усмехнулся мой приятель.

– Уверен, что ничего подобного не скажу, – пробурчал я, начиная обижаться.

– Видите ли, мой дорогой Ватсон, – он поставил пробирку в штатив и начал читать лекцию с видом профессора, обращающегося к нерадивым студентам, – на самом деле нетрудно построить цепочку выводов, каждый из которых необычайно прост сам по себе. Если после этого отбросить все центральные выводы и представить своей аудитории только отправную точку и заключение, можно произвести поразительный, хотя, возможно, и призрачный, эффект. Итак, слушайте. Осмотрев канавку между указательным и большим пальцами вашей левой руки, я убедился, что вы отказались от мысли вложить свой небольшой капитал в золотые прииски.

– Но... Я не вижу связи.

– Разумеется, не видите. Но сейчас я покажу все недостающие звенья цепи, и вы убедитесь, что все мои выводы тесно связаны. Когда вы вернулись из клуба прошлой ночью, я заметил мел между пальцами вашей левой руки. Далее. Мелом вы пользуетесь, когда играете в бильярд, чтобы кий не слишком ерзал. Далее. Вы всегда играете в бильярд с Торстоном. Далее. Четыре недели назад вы сказали мне, что у Торстона есть опцион на некий южноафриканский прииск, срок действия которого истекает через месяц, и которой он предложил разделить с вами. Далее. Ваша чековая книжка заперта в моем бюро, а вы не просили ключ. Следовательно, вы не собираетесь вкладывать свои деньги в эту авантюру с золотыми рудниками.

– Но... Ведь это до абсурда просто! – хмыкнул я.

– Именно так! – подтвердил Холмс. – Любая загадка кажется пустячком, когда ее тебе объясняют. Но есть и необъяснимые. Посмотрите, Ватсон, что вы можете сказать об этом.

Он бросил лист бумаги на стол и снова вернулся к химическому анализу.

Я с изумлением смотрел на абсурдные иероглифы.

– Да ведь это детский рисунок, Холмс! – произнес я, наконец. – Обычная шалость.

– Вы так думаете?

– Ну да, а что же еще это может быть? Какие-то пляшущие человечки...

– Разгадать эту загадку меня попросил мистер Хилтон Кубит из поместья Райдинг-Торп в Норфолке. Он отправил письмо, а сам должен был последовать за ним на следующем поезде. Вы слышите, Ватсон? Звонят у дверей. Я очень удивлюсь, если это не мистер Кубит.

На лестнице послышались тяжелые шаги, и мгновение спустя вошел высокий, румяный, чисто выбритый джентльмен, чьи ясные глаза и красные щеки доказывали, что живет он вдали от туманов Бейкер-стрит. Когда он вошел, казалось, что вместе с ним в комнату ворвалось дуновение свежего, бодрящего воздуха с восточного побережья. Пожав руки каждому из нас, посетитель собирался сесть, но тут его взгляд остановился на бумаге с любопытными рисунками, которые я только что изучил и оставил на столе.

– Ну, мистер Холмс, что вы думаете об этом? – воскликнул мистер Кубит. – Все говорят, что вы любите загадки и всякого рода тайны, и не думаю, что вы сможете найти более причудливую головоломку, чем эта. Я отправил письмо заранее, чтобы у вас было время изучить иероглифы до моего приезда.

– Безусловно, это довольно любопытная история, – сказал Холмс. – На первый взгляд надпись может показаться детской шуткой. Что мы видим? Ряд гротескных фигурок, танцующих по бумаге. Но вы придаете столь большое значение рисунку, что даже отправились в Лондон на утреннем поезде, а для этого пришлось проснуться ни свет ни заря. Почему?

– Я не знаю, мистер Холмс. Этот рисунок напугал мою жену. Она не признается в этом, но я прочел смертельный ужас в ее глазах. Вот почему я хочу разобраться, что тут, черт возьми, происходит.

Холмс поднял бумагу так, чтобы на нее падал солнечный свет. Это была страница, вырванная из записной книжки. Разметка была сделана карандашом: пятнадцать крохотных фигурок – палка, палка, огуречик. У всех человечков ноги выделяли замысловатые коленца, а руки торчали под разными углами, более того, трое из пятнадцати высоко поднимали флажки.

Холмс некоторое время изучал рисунок, а затем, осторожно сложив бумагу, положил в карман.

– Это обещает быть интересным и необычным делом, – сказал он. – Мистер Кубит, вы сообщили несколько подробностей в своем письме, но я буду очень признателен, если вы любезно повторите все это еще раз для меня и моего друга, доктора Ватсона.

– Я не мастер говорить, – нахмурился наш посетитель, нервно сжимая и разжимая свои большие, сильные руки. – Но, пожалуй, начну с момента моего замужества в прошлом году. Хотя нет, прежде нужно уточнить, что, хотя я и не богатый человек, мои предки построили Райдинг-Торп пять веков назад, и в графстве Норфолк нет более известной семьи. В прошлом году я приехал в Лондон на юбилей. Поселился в пансионе на Рассел-сквер, потому что Паркер, викарий нашего прихода, как раз жил в нем. В первый же день я встретил молодую американку – ее фамилия Патрик, Элси Патрик. В каком-то смысле мы стали друзьями, но уже через неделю я был влюблен в нее так сильно, как вообще может быть влюблен человек. Мы тихо, без огласки, поженились в мэрии, и вернулись в Норфолк супружеской парой. Вы подумаете, мистер Холмс, что я поспешил? Да, со стороны может показаться безумием, что мужчина из древнего рода женился таким образом на девушке, о прошлом которой ему ничего не известно... Но если бы вы только видели Элси, о! Вы бы непременно поняли меня и не стали осуждать.

– Я и не думал осуждать вас, мистер Кубит, – успокоил его Холмс. – Однако скажите, почему вы особо подчеркнули, что ничего не знаете о прошлом вашей супруги?

– Потому что это правда. Я не знаю ровным счетом ничего. Как только я заговорил о свадьбе, Элси предупредила, что не потерпит расспросов о своей прошлой жизни. «Поверьте, дорогой Хилтон, я хочу забыть обо всем, что было прежде. Особенно о тех событиях, которые слишком больно вспоминать. Если вы согласитесь на это простое условие, я стану вашей женой. Вы приведете в свой дом женщину, которой не за что краснеть или испытывать. Но вам при-

дется удовлетвориться моим честным словом и позволить мне хранить молчание обо всем, что произошло до дня нашей встречи. Если эти условия слишком тяжелы, то возвращайтесь в Норфолк, и оставьте меня навсегда». Мог ли я оставить ее? Конечно, нет! В Англии нет человека, который ценил бы честь своей семьи выше меня, но Элси... Она особенная, мистер Холмс. Я дал слово ни о чем не спрашивать. Мы поженились и жили счастливо целый год. Но потом появились эти каракули. Сначала мы увидели их на подоконнике, нарисованные мелом. Элси вздрогнула, но сразу стерла человечков и сказала: наверное, это проказы маленького конюха. Но вскоре я нашел на солнечных часах в саду вот эту записку, взглянув на которую моя жена побледнела и чуть не грохнулась в обморок! Я не рискнул отнести этот клочок бумаги в полицию, там надо мной просто посмеялись бы. Но вы сумеете во всем разобраться. Я не богатый человек, мистер Холмс, но если Элси угрожает опасность, я потрачу все до последнего медяка, чтобы защитить ее!

Он вскочил на ноги, воодушевленный своими словами – истинный англичанин, простой, прямой и мягкий. Любовь к жене и безоговорочное доверие к ней отражались в его серьезных голубых глазах, читались в каждой черточке широкого миловидного лица. Холмс выслушал рассказ с величайшим вниманием, и некоторое время сидел в безмолвной задумчивости.

– Не думаете ли вы, мистер Кубит, – сказал он, наконец, – что самый лучший план – это напрямую обратиться к жене, и попросить ее поделиться с вами своим секретом?

Хилтон Кубит покачал массивной головой.

– Обещание есть обещание, мистер Холмс. Я дал слово Элси, что не стану выпытывать у нее ничего о жизни до замужества. Если бы она захотела рассказать мне что-то, в связи с этими проклятыми рисунками, она бы это сделала. Но я вправе разобраться в этой истории теперь, когда пляшущие человечки мешают нашему счастью, поэтому и обратился к вам.

– Мистер Кубит, полагаю, вы живете в тихой провинции, где чужаков не жалуют... В таких местах любое новое лицо не останется без пристального внимания, не так ли?

– Да, мне бы сразу сообщили о незнакомцах, если те вздумают околачиваться поблизости. Но, видите ли, в десяти милях от поместья расположены большие озера, случается, что местные обитатели принимают жильцов – туристов, купальщиков или любителей рыбной ловли. Об этих приезжих я ничего не знаю, мистер Холмс.

– Хм-м. В этих рисунках, несомненно, есть тайный смысл, понятный вашей жене, но ускользающий от нас. Та надпись, что вы прислали, слишком короткая. Расшифровать ее вряд ли получится. Жаль, что вы не скопировали ту, что была начертана мелом на подоконнике, – сыщик задумался на минуту, мы с Кубитом, затаив дыхание, ждали его решения. – Вот как мы поступим. Возвращайтесь в Райдинг-Торп и будьте настороже. Вскоре пляшущие человечки появятся снова, я в этом не сомневаюсь. Скопируйте надпись, не упустив ни единой детали, и пришлите мне. А заодно попросите соседей и тех фермеров с дальних озер, чтобы сообщали вам обо всех чужаках, которые появляются в округе. Такие рекомендации я могу дать вам на данный момент. Если ситуация изменится кардинальным образом, телеграфируйте и мы с доктором Ватсоном навестим ваше поместье.

Хилтон Кубит крепко пожал нам руки на прощанье и поспешил на вокзал.

Загадочная надпись захватила все мысли Холмса, в следующие две недели он задумчиво мерил шагами комнату, время от времени доставал из кармана листок с каракулями и подолгу смотрел на него. Со мной он эту тему не обсуждал, а я не привык торопить своего приятеля. Он непременно поделится разгадкой, как только сам ее обнаружит. Поэтому я просто читал газеты и ходил обедать в клуб. Однажды, когда я менял домашний сюртук на выходной, Холмс задержал меня.

– Сегодня вам лучше остаться дома, Ватсон.

– Почему?

– Утром я получил телеграмму от Хилтона Кубита. Вы помните мистера Кубита и пляшущих человечков? Он собирался прибыть на вокзал в час двадцать, а потому может появиться здесь в любой момент. Из его телеграммы я понял, что появились новые надписи.

– О, в таком случае я готов отказаться от обеда, – без тени улыбки сказал я, – давайте вместе подождем нашего норфолкского рыцаря.

Ждать пришлось недолго, мистер Кубит приехал прямо с вокзала, на самом быстром кэбе. Он выглядел обеспокоенным и подавленным, а в глазах и морщинах на лбу читалась неимоверная усталость.

– Господи, как же это действует мне на нервы, мистер Холмс, – сказал он, тяжело опускаясь в кресло. – Ужасно знать, что вы окружены невидимками, у которых есть злое замысел против вас. Но когда, вдобавок к этому, непонятные каракули буквально убивают вашу жену, тогда это становится невыносимым. Элси не спит по ночам, она высохла, как сорванная с дерева ветка и все время дрожит, от каждого звука дрожит!

– Она что-нибудь рассказала вам?

– Нет, мистер Холмс. Мне казалось, что были минуты, когда она хотела заговорить, но все же не смогла заставить себя сделать решительный шаг. Она говорила о моей старой семье, нашей репутации в графстве и гордости за нашу незапятнанную честь, и я всегда чувствовал, что Элси вот-вот добавит что-то важное, но она всегда умолкала на полуслове. Я пытался вызвать жену на откровенность, но сделал это до того неуклюже, что лишь смутил и еще больше напугал ее.

– Но вы приехали в Лондон, а стало быть, узнали что-то новое?

– Да, мистер Холмс. Я скопировал несколько свежих пляшущих человечков, которые вы должны изучить, – Кубит достал стопку бумаг из портфеля. – А еще, и это куда важнее, я видел того, кто их рисует!

– Что? Вы видели человека, который их рисует? – удивился Холмс. – Почему же вы его не задержали?

– Да, я видел его за работой! Но я расскажу все по порядку. Когда я вернулся после моего визита к вам, я предупредил слуг, чтобы докладывали мне о любых рисунках с пляшущими человечками. На следующее утро меня позвали к сараю с инструментами, который стоит рядом с лужайкой, на виду у окон спальни моей жены. На черной двери мелом были выведены семнадцать иероглифов. Я срисовал их на свежий номер газеты, вот смотрите.

Он выложил на стол первый лист.

– Превосходно! – сказал Холмс. – Просто превосходно!

– Когда я сделал копию, то стер надпись. Но через два дня она появилась снова.

– Эта же надпись? – уточнил я.

– Нет, новая. Там гораздо меньше человечков. Вот она.

Второй лист лег на стол поверх первого.

Холмс радостно потер руки.

– Улики быстро накапливаются. Это хорошо.

– Три дня спустя слуги нашли бумагу с нацарапанным посланием, под камешком на солнечных часах. Вот оно. Человечки, как вы видите, точно такие же, как и в предыдущей копии. После этого я решил подстеречь злоумышленника, который пугает мою супругу. Так что я зарядил револьвер и сел в своем кабинете, окна которого выходят на лужайку и сад. До двух часов ночи я сидел у окна, окна давно погасли, все освещалось только лунным светом. Внезапно я услышал шаги у себя за спиной. Это была моя жена в халате. Элси умоляла меня лечь в постель. Я прямо сказал, что хочу посмотреть, кто именно устраивает эти нелепые штуки. Она ответила, что я не должен так переживать из-за бессмысленного розыгрыша.

«Если тебя это так раздражает, Хилтон, мы могли бы поехать путешествовать. Только ты и я. Забудем об этой неприятной шутке, развеемся...» – сказала она.

«Что? Быть изгнанным из собственного дома каким-то хулиганом?!» – возмутился я. – «Хочешь, чтобы вся округа смеялась над нами?»

«Ладно, мы можем обсудить это и утром», – сказала она, – «иди спать».

Когда она это говорила, голос дрогнул, и я заметил, что лицо Элси побледнело в лунном свете, а ее рука сжалась у меня на плече. Кто-то двигался в тени у сарая. Я увидел темную фигуру, ползущую к двери. Схватив пистолет, я бросился прочь из кабинета, но жена обвила меня руками и удерживала с необычайной силой. Я попытался отбросить ее, но она отчаянно прижималась ко мне и шептала: «Не надо! Не надо!». Наконец, я освободился и выбежал из дома, но к тому времени человек исчез. А на двери остались эти чертовы человечки. При свете фонаря, я скопировал их на эту бумагу.

Еще один лист лег на стол, поверх остальных.

– Других следов этого парня нигде не было, хотя я обошел все поместье. Утром я обнаружил, что незнакомец возвращался, потому что под это надписью он нацарапал еще семь картинок. Вот они, на отдельном листе.

– Это самый свежий рисунок? – уточнил Холмс.

– Да, я сделал его нынешним утром.

– Скажите мне, – спросил Холмс и я увидел по его глазам, что он очень взволнован, – было ли это простым дополнением к первому посланию, или казалось отдельным?

– Это написали на другой панели двери.

– Превосходно! Это, безусловно, самое важное и это вселяет в меня надежду. А теперь, мистер Кубит, продолжайте, пожалуйста, ваш рассказ.

– Мне больше нечего добавить, мистер Холмс, кроме того, что я был зол на свою жену за то, что она удерживала меня, не давая схватить крадущегося негодяя. Она сказала, что сильно испугалась, ведь этот человек мог убить меня. В тот момент мне пришлось в голову, что, возможно, она действительно боялась за меня, поскольку знала, кто этот мужчина и на какую жестокость он способен. Я уже не сомневался, что она давно расшифровала его странные послания. Мистер Холмс, ее взгляд убедил меня, что она думала только о моей безопасности. Вот и вся история. Теперь дайте ваш совет, мистер Холмс, что мне следует делать? Лично я склоняюсь к тому, чтобы посадить полдюжины крепких слуг в кусты, и когда этот парень снова придет, отметить его хорошенько, чтобы оставил нас в покое.

– Боюсь, простые способы тут не помогут. Это слишком серьезный случай, – сказал Холмс. – Как долго вы планируете оставаться в Лондоне?

– Я возвращаюсь сегодня же. Ни за что не оставлю жену одну на всю ночь. Она очень нервничает и умоляет меня вернуться.

– Полагаю, вы правы. Но если вы решите задержаться, то я смог бы поехать с вами в Норфолк через день или два. Вы ведь оставите мне эти бумаги? Думаю, что сумею пролить свет на ваше дело.

Шерлок Холмс сохранял свою спокойную профессиональную манеру поведения до тех пор, пока наш посетитель не откланялся, хотя мне, так хорошо знавшему его, было легко заметить, насколько сильно он взволнован. В тот момент, когда широкая спина Хилтона Кубита исчезла за дверью, мой товарищ бросился к столу, разложил перед собой все полоски бумаги с пляшущими человечками и погрузился в замысловатый и сложный расчет. В течение двух часов я наблюдал, как он покрывает лист за листом цифрами и буквами, настолько поглощенный своей работой, что, очевидно, забыл о моем присутствии. Иногда он насвистывал и пел во время работы, иногда был озадачен и долго сидел, нахмутив лоб и опустив глаза. Наконец он вскочил со стула с удовлетворенным криком и прошелся по комнате, потирая руки. Затем отправил телеграмму и сказал:

– Если ответ будет таким, как я надеюсь, ваша коллекция, дорогой Ватсон, пополнится весьма интересным рассказом.

Признаюсь, меня переполняло любопытство, но я знал, что Холмс любит раскрывать информацию в свое время и по-своему, поэтому ждал, пока он сочтет нужным довериться мне.

Но ответ на телеграмму задерживался, и последовали два дня тревожного ожидания, в течение которых Холмс настораживал уши при каждом звонке в дверь. Вечером второго дня пришло письмо от Хилтона Кубита. В поместье все было тихо, за исключением того, что тем утром на пьедестале солнечных часов появилась длинная надпись. К письму прилагалась копия.

Холмс на несколько минут склонился над бумагой, и вдруг вскочил на ноги с восклицанием удивления и ужаса. Его лицо побледнело.

– Ватсон, это дело зашло слишком далеко! Есть ли поезд до Норт-Уолшема сегодня вечером?

Я открыл железнодорожное расписание и убедился, что последний поезд только что ушел.

– Тогда мы позавтракаем рано и успеем на самый первый завтра утром, – сказал Холмс. – Наше присутствие в поместье крайне необходимо. А! Вот и ожидаемая телеграмма. Минутку, миссис Хадсон, может быть ответ. Нет, ответа не будет. Это именно то, чего я ожидал. Но содержание телеграммы делает нашу поездку в Норфолк еще более важной. Мы должны предупредить Хилтона Кубита о грозящей опасности.

В тот момент мне показалось, что Холмс излишне драматизирует. Все это дело о смешных каракулях виделось мне вздорным и несерьезным. Даже теперь, когда я пишу рассказ, мне вспоминаются эти сомнения и хочется подарить читателям более светлый финал, но, увы. На следующий день я проснулся с ощущением тревоги, а когда мы прибыли в Норт-Уолшем, на нас обрушился настоящий ужас.

Едва мы сошли с поезда и упомянули название поместья, куда мы направлялись, начальник станции поспешил к нам.

– Я полагаю, что вы детективы из Лондона? – взволнованно спросил он.

По лицу Холмса промелькнуло раздражение.

– Что заставляет вас так думать?

– Потому что только что приехал инспектор Мартин из Норвича. Но, может быть, вы хирурги? Говорят, она не умерла. Возможно, вы еще успеете спасти ее – для виселицы.

Лоб Холмса покрылся испариной.

– Мы едем в усадьбу Райдинг-Торп, – сказал он, – но пока не знаем, что именно там произошло.

– Ах, это ужасно! – воскликнул начальник станции. – Мистер Хилтон Кубит мертв. Жена застрелила его, а затем направила револьвер себе в висок – так говорят слуги. Сейчас ее жизнь на волоске. Боже, какое горе! Старейшая фамилия в графстве Норфолк, один из самых уважаемых родов и так внезапно оборвался...

Холмс поспешил к экипажу и за долгую семимильную дорогу не произнес ни единого слова. Я редко видел его настолько подавленным. На протяжении всей поездки в поезде мой друг чувствовал себя неуютно, и я заметил, что он с тревожным вниманием переворачивал страницы утренних газет, но теперь, узнав о разыгравшейся трагедии, он откинулся на спинку сиденья, погруженный в мрачные размышления. Час спустя, когда фиолетовая кромка моря показалась за зеленым краем побережья Норфолка, возница указал хлыстом на два старых кирпичных фронтона и деревянные крыши, выступающие из рощи деревьев.

– Вон там уже поместье Райдинг-Торп.

Мы подъехали к входной двери с портиком, я осмотрелся вокруг и увидел рядом с теннисной лужайкой тот самый черный сарай и солнечные часы на пьедестале, о которых нам рассказывал хозяин поместья. Щеголеватый человек с быстрыми, настороженными глазами и

вощеными усами только что сошел с двуколки. Он представился инспектором Мартином и был весьма удивлен, когда услышал имя моего товарища.

– Мистер Холмс, преступление было совершено сегодня в три часа утра. Как вы могли услышать об этом в Лондоне и добраться до места, одновременно со мной?

– Я не слышал об убийстве, – сокрушенно покачал головой Холмс. – Я предвидел его и спешил сюда, чтобы предотвратить преступление.

– Тогда у вас, должно быть, более точные доказательства, чем у меня. Все, кого я успел опросить по пути сюда, отзываются о мистере и миссис Кубит как о любящей и сплоченной паре. Никто из тех, кто знал эту семью, не может поверить в произошедшее, не говоря уже о том, чтобы предвидеть такое заранее.

– Я, напротив, не говорил ни с кем, кроме мистера Кубита. Но у меня есть свидетели. Пляшущие человечки.

– Что? Вы бредите, мистер Холмс? При чем тут танцоры...

– Я объясню вам это чуть позже, инспектор. Поскольку мне не удалось предотвратить убийство, теперь я хочу заняться расследованием, чтобы виновный понес заслуженное и справедливое наказание. Вы хотите объединить усилия или предпочтете, чтобы я действовал независимо?

– Я горжусь, что мне выпала такая возможность – действовать вместе с вами, мистер Холмс, – серьезно сказал инспектор.

– В таком случае давайте осмотрим место преступления без лишних задержек.

Инспектор Мартин не стал чинить препятствий, напротив, позволил моему другу действовать по-своему, и довольствовался тем, что записывал все его ремарки. Местный хирург, пожилой седовласый мужчина, только что вышел из комнаты миссис Кубит и сообщил, что ее травмы весьма серьезны, но женщину еще можно спасти. Пуля прошла через переднюю часть мозга, но ранение не смертельно. Вероятно, пройдет немало времени, прежде чем хозяйка поместья придет в сознание.

– Как думаете, это она застрелила мужа? – спросил инспектор.

Хирург пожевал губы и произнес:

– Я бы не решился высказать однозначное мнение. Все, что я могу утверждать – обе пули были выпущены с близкого расстояния. У мистера Хилтона Кубита прострелено сердце, у его жены – голова. При этом в комнате найден один револьвер с двумя пустыми гнездами. Стреляли дважды, но кто держал пистолет неизвестно. В равной степени можно предположить, что муж выстрелил в жену, а затем убил себя.

– Вы передвигали труп? – неожиданно спросил Холмс.

– Нет, его мы не трогали. Мы перенесли только миссис Кубит, не оставляя де раненую лежать на полу.

– Как долго вы здесь пробыли, доктор?

– Даже не знаю, который теперь час. Я здесь с четырех утра.

– С вами кто-нибудь был?

– Да, констебль.

– И вы ничего не трогали? – допытывался Холмс.

– Ни единого предмета.

– Спасибо, вы действовали очень осмотрительно. Кто послал за вами?

– Горничная, мисс Сондерс.

– Это она подняла тревогу? – вклинился в разговор инспектор.

– Она и миссис Кинг, кухарка.

– Где они сейчас?

– На кухне, скорее всего.

– Идемте, нам крайне важно выслушать их показания.

Старинный зал с дубовыми панелями и высокими окнами тут же превратили в допросную. Холмс сидел в кресле, его неумолимые глаза блестели на изможденном лице. Я прочел в них твердую цель посвятить, если понадобится, весь остаток жизни поискам преступника и не сдаваться до тех пор, пока клиент, которого мы не сумели спасти, не будет отомщен. Инспектор Мартин, седой хирург, я и флегматичный деревенский полицейский составили остальную часть команды дознавателей.

Обе служанки рассказали, что их разбудил звук выстрела, за которым вскоре последовал и второй. Они спали в соседних комнатах, и миссис Кинг помчалась к мисс Сондерс. Вместе они спустились по лестнице. Дверь кабинета была открыта, а на столе горела свеча. Хозяин лежал в центре комнаты и был уже мертв. Его жена присела на корточки у окна, прислонившись затылком к стене. Она была тяжело ранена, лицо покраснело от крови. Хозяйка тяжело дышала, но не могла произнести ни слова. Коридор, как и комната, были полны дыма, в воздухе пахло порохом. Окно наверняка было заперто и заперто изнутри. Обе женщины были уверены в этом. Они сразу же послали за доктором и констеблем. Затем с помощью грума и конюха они перенесли раненую хозяйку в ее спальню. Миссис Кубет была одета в свое домашнее платье. Мистер Кубет, как вы сами видели, набросил халат поверх ночной рубашки. Служански в один голос утверждали, что между мужем и женой никогда не было ссор. Они, как и все в доме, в поместье и в целом графстве, считали их очень дружной парой.

– Двери в доме были заперты изнутри? – спросил инспектор Мартин.

– Да, на все засовы.

– Никто не мог сбежать отсюда?

– Нет, конечно.

– А запах пороха вы почувствовали только в кабинете хозяина? – уточнил Холмс.

– Да. То есть, нет, – поправились горничная. – Я помню, что запах чувствовался сразу, как мы выбежали из своих комнат на верхнем этаже.

– Запомните это, – кивнул мой друг инспектору. – Это важнейший факт всего расследования. А теперь давайте тщательно осмотрим кабинет мистера Кубита.

Кабинет располагался в первом этаже. Небольшая комната, с трех сторон уставленная книжными полками. Письменный стол напротив окна, выходившего в сад. Здесь мы обнаружили труп несчастного помещика, растрепанная одежда показывала, что он внезапно пробудился ото сна и поспешил в кабинет. Пуля попала в грудь и осталась в его теле. Смерть, безусловно, была мгновенной и безболезненной. Ни на халате, ни на руках мы не нашли следов пороха. По словам хирурга, у миссис Кубит пятна были – на лице, но не на руках.

– Отсутствие пороха ничего не значит, – заметил Холмс, – хотя его присутствие могло бы объяснить нам все. Но, знаете, если порох из плохо подогнанного патрона не высыплется, можно сделать много выстрелов, не оставив следов на руках. Полагаю, доктор, вы не нашли пулю, которая ранила леди?

– Для этого потребуются очень серьезные операции, но я могу утверждать, что пуля застряла у нее в голове, – на этот раз хирург говорил более уверенно. – Смотрите, в револьвере еще четыре патрона. Два выстрела, и в итоге – две раны. Так что каждую пулю можно учесть.

– Только на поверхностный взгляд, – сказал Холмс. – Но как вы объясните третью пулю? Ту, которая пробила оконную раму?

Он внезапно повернулся, и указал длинным пальцем на круглое отверстие, примерно в дюйме над подоконником.

– Клянусь Святым Георгием! – воскликнул инспектор. – Как вы нашли это?

– Потому что я искал это.

– Ничего себе! – удивленный хирург наклонился и осмотрел простреленную раму. – Вы, конечно, правы, сэр.

– Был произведен третий выстрел, и, следовательно, при этом должен был присутствовать третий человек, – подытожил инспектор Мартин. – Но кто это мог быть, и как он сумел сбежать, если все двери в доме заперты изнутри, на засов?

– Вы помните, когда горничная сказала, что, выйдя из комнаты, она сразу почувствовала запах пороха? Я еще назвал этот факт крайне важным.

– Да, помню, но, признаюсь, не совсем понимаю.

– Я предположил, что во время перестрелки окно и дверь кабинета были открыты. В противном случае, запах пороховой гари не разлетелся бы по дому так быстро. Для этого необходим сквозняк. Однако и дверь, и окно были открыты лишь на очень короткое время.

– Как вы это докажете?

– Посмотрите на свечу: она не заплывла воском.

– Светлая голова! – прошептал хирург с восхищением. – Все подмечает!

– Я уверился, что во время трагедии окно было открыто, и подумал, что в тот момент здесь присутствовал третий человек, который стоял снаружи. Любой выстрел, направленный в этого человека, мог попасть в оконную раму. Я посмотрел, и там, конечно же, был след от пули!

– Но как у него получилось закрыть и запереть окно?

– Нет, это было первым желанием женщины, когда за ее спиной неожиданно открылась дверь. А что мы видим тут, на столе?

Возле письменного прибора стояла женская сумочка – аккуратная маленькая сумочка из крокодиловой кожи, с серебряными вставками. Холмс открыл ее и вытряхнул содержимое – пачку банкнот Банка Англии по пятьдесят фунтов, скрепленные индийской резинкой.

– Здесь тысяча фунтов, – пересчитал он. – Сохраните эту улику, она сыграет важную роль на процессе по делу убийцы, – сказал Холмс, передавая сумку и деньги инспектору. – Теперь необходимо установить, в кого летела третья пуля, которая явно, судя по расколу дерева, была выпущена из комнаты. Я хотел бы снова увидеть кухарку... Вы сказали, миссис Кинг, что вас разбудил ГРОМКИЙ выстрел. Когда вы это сказали, вы имели в виду, что он показался вам громче второго?

– Ну, сэр, я крепко спала, и первый выстрел разбудил меня, так что трудно судить. Но он действительно прозвучал очень громко.

– Вы не думаете, что могло быть два выстрела, которые грянули одновременно?

– Не могу сказать, сэр.

– А я думаю, что именно так и произошло, – сказал Холмс. – Инспектор, нам больше нечего искать в этой комнате. Если вы любезно согласитесь прогуляться, то увидите, какие новые доказательства может предложить сад.

Прямо под окном кабинета располагалась цветочная клумба. Когда мы подошли к ней, я не сдержал изумленного возгласа: цветы были растоптаны, а на мягкой земле остались отпечатки ботинок – большого размера, несомненно, мужских и с острыми носами. Холмс рылся среди травы и листьев, как ретривер в поисках раненой птицы. Наконец, он поднял с земли небольшой медный цилиндр.

– А вот и третья гильза, – воскликнул он. – У револьвера был эжектор, который выбросил ее в момент выстрела, и оставил нам этот сувенир. Расследование близится к финалу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.